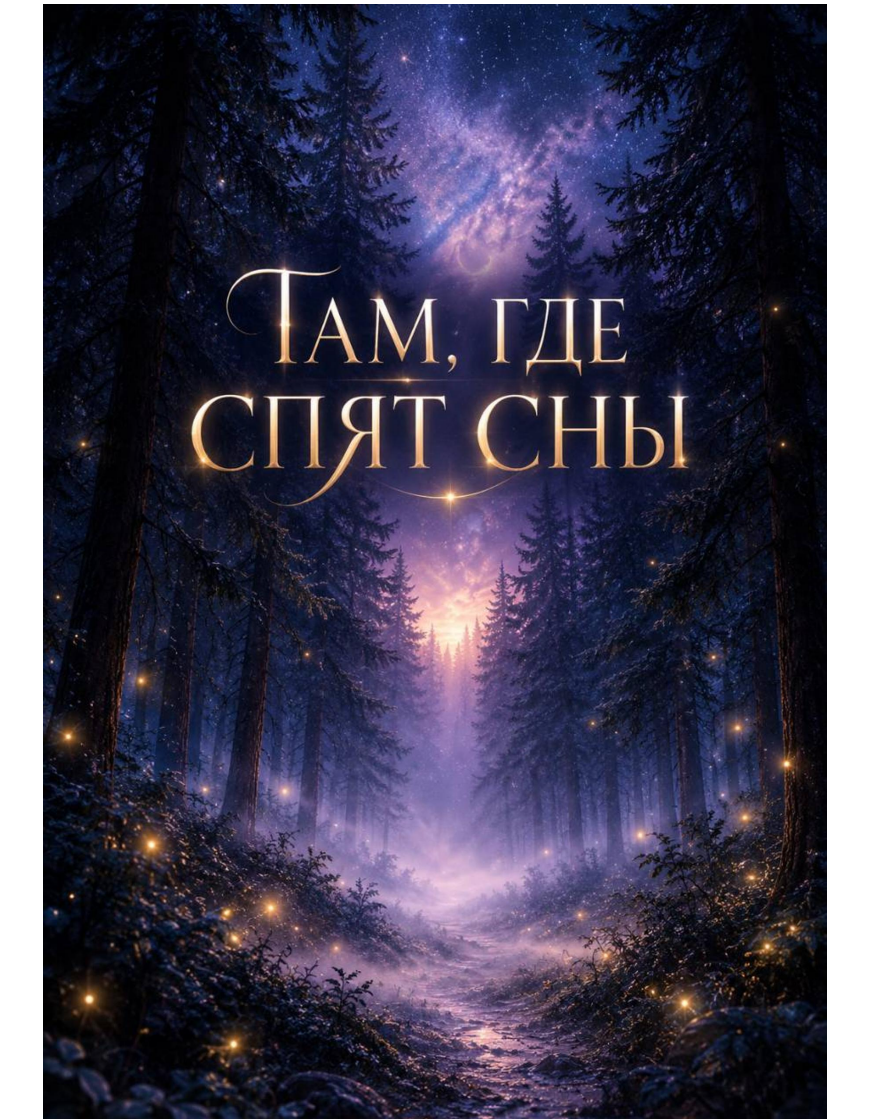

A vertical rectangular image showing a dense forest of tall evergreen trees at night. The sky is a deep blue, filled with stars and a vibrant, glowing nebula or aurora in shades of purple and pink. A path of light leads from the bottom center towards a bright, glowing light source in the distance, creating a misty or ethereal atmosphere. Numerous small, warm yellow and orange lights are scattered throughout the scene, appearing to glow from the foliage and trees. The overall mood is magical and dreamlike.

ТАМ, ГДЕ СПЯТ СНЫ

Snezhok Snezhok

Там, где спят сны

<https://litres.ru/74691108>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что, если сны — это не просто истории, которые наше сознание рассказывает нам по ночам? Что, если за привычной реальностью скрывается мир, в котором живут забытые воспоминания, несбывшиеся желания и тайны, о которых никто не решается говорить вслух?

Когда двадцатисемилетняя Алиса возвращается в дом своего детства, она рассчитывает найти там лишь знакомые вещи, старые воспоминания и немного покоя. Но этот дом хранит куда больше, чем кажется на первый взгляд. Странные символы, необъяснимые события и чёрный кот по имени Тень постепенно заставляют Алису усомниться в том, что она знает о собственном прошлом.

Ночные сны становятся всё ярче, а граница между реальностью и чем-то неведомым — всё тоньше. За каждой загадкой скрывается новая история, за каждой дверью — нечто, что может изменить привычный взгляд на мир. И чем глубже Алиса погружается в тайны дома, тем яснее понимает: некоторые вещи невозможно объяснить логикой, а некоторые вопросы требуют гораздо большей смелости, чем кажется.

Содержание

Глава 1. Звонок не в тот день	4
Глава 2. Дом, в котором ничего не изменилось	16
Глава 3. Пока она не проснулась	33
Глава 4. Огонёк между деревьями	46
Глава 5. Дом, который помнил меня	64
Глава 6. Пень, который слишком много знал	80
Глава 7. Дверь без дома	100
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Snezhok

Там, где спят сны

Глава 1. Звонок не в тот день

У каждого человека есть что-то, без чего он не может уснуть. Кому-то необходима абсолютная тишина, кому-то - мерное тиканье часов, а кому-то достаточно оставить включённым телевизор, чтобы голоса незнакомых людей всю ночь убеждали его в том, что мир по-прежнему существует и за пределами собственной головы.

Мне, например, требовалось, чтобы на кухне была закрыта форточка, телефон стоял на зарядке, а все двери в квартире были заперты. Не потому, что я боялась воров. Просто однажды в детстве бабушка сказала, что незапертая дверь - это приглашение, а приглашения, как известно, имеют свойство принимать самые неподходящие гости.

Тогда я решила, что она говорит о людях.

Теперь, когда мне исполнилось двадцать семь, я уже не была в этом так уверена.

Но обо всём по порядку.

В тот вторник я опаздывала на работу, пролила кофе на единственную чистую рубашку и умудрилась отправить на-

чальнику исправленный вариант рукописи, в котором главный герой умирал дважды. Первый раз - согласно сюжету, второй - из-за моей невнимательности, когда я случайно продублировала целую главу.

Если бы за каждую исправленную ошибку мне платили отдельно, я бы давно купила дом у моря. Если бы за каждую допущенную ошибку штрафовали, пришлось бы продать даже море.

— Алиса, ты сегодня решила окончательно избавиться от репутации ответственного сотрудника? - спросила Марина, когда я наконец появилась в редакции.

Она стояла возле моего стола с кружкой чая и выражением лица человека, которому ещё не сообщили о конце света исключительно из уважения к его рабочему графику.

— Нет, я решила, что репутация ответственного сотрудника мешает моему творческому развитию.

— Прекрасно. Тогда творчески развивайся в сторону принтера. Там лежит ещё одна рукопись.

Я посмотрела на стопку бумаг.

— Что это?

— Роман о женщине, которая разговаривает с умершими.

— Звучит многообещающе.

— Она делает это исключительно по вторникам.

— Значит, у неё есть работа и личная жизнь.

Марина фыркнула и ушла к себе, оставив меня наедине с рукописью, остывшим кофе и смутным ощущением, что

вторник уже успел прожить за меня полноценную жизнь.

Я работала редактором в небольшом издательстве почти четыре года. За это время мне довелось прочитать столько историй о несчастной любви, древних проклятиях, семейных тайнах и внезапно обнаружившихся наследствах, что я начала подозревать: обычные люди ведут себя настолько скучно исключительно из вредности.

В книгах всё было гораздо проще. Если героиня слышала странный голос из подвала, она непременно спускалась проверить, кто там. Если незнакомец предлагал ей отправиться в заброшенный замок, она соглашалась. Если на пороге появлялась коробка без обратного адреса, она открывала её, даже если внутри что-то шевелилось.

В реальной жизни я не открывала даже подозрительные сообщения от курьерских служб.

К обеду я успела прочитать сорок страниц, найти семь логических ошибок и убедиться, что автор совершенно не разбирается в устройстве человеческого организма. Его героиня потеряла сознание от волнения, очнулась через минуту и тут же пробежала пять километров. В другой главе она не спала трое суток, но выглядела так, будто только что вернулась из отпуска.

Я внесла очередное замечание на полях и потянулась за телефоном.

В этот момент экран загорелся.

Бабушка Агата.

Я нахмурилась.

Мы созванивались по воскресеньям. Не потому, что между нами существовало какое-то торжественное соглашение, скреплённое кровью и печатью, а потому, что так было удобнее. Я звонила ей после завтрака, она рассказывала, что приготовила на обед, жаловалась на соседей, интересовалась моей работой и непременно спрашивала, не забыла ли я надеть шарф.

Даже в июле.

Иногда мне казалось, что бабушка подозревает меня в хроническом неумении одеваться по погоде. Впрочем, учитывая, сколько раз в детстве я возвращалась домой с мокрыми ногами, порванными колготками и ветками в волосах, её подозрения имели под собой основания.

Сегодня был вторник.

Я ответила на звонок.

— Ба, ты что-то забыла рассказать в воскресенье?

В трубке послышался шорох, затем тихий, незнакомый голос:

— Алло? Это внучка Агаты?

Я выпрямилась.

— Да. А кто это?

— Меня зовут Тамара Ивановна. Я соседка вашей бабушки. Простите, что звоню с её телефона...

Она замолчала, словно подбирала слова.

Внутри у меня что-то неприятно сжалось.

— Что случилось?

— Агате стало плохо. Она упала во дворе, мы вызвали скорую. Её увезли в больницу.

На несколько секунд весь мир вокруг меня словно отодвинулся. Я видела Марину за соседним столом, слышала, как кто-то смеётся возле принтера, ощущала запах кофе и бумаги, но всё это внезапно стало ненастоящим.

— Она в сознании? - спросила я.

— Нет, милая. Когда её забирали, она не приходила в себя. Я поехала с ней, но меня попросили. Врачи сказали, что вам нужно приехать, как только сможете.

Я крепче сжала телефон.

— В какой больнице она?

Тамара Ивановна назвала адрес.

Я повторила его про себя, потом записала на обороте распечатанной рукописи. Рука почему-то дрожала, и цифры получились кривыми.

— Я сейчас приеду, - сказала я. - Вы можете остаться в доме до моего приезда?

— Конечно, дорогая. Я никуда не уйду.

— Спасибо.

Я отключилась и несколько секунд смотрела на экран.

Бабушка не могла просто так упасть посреди двора.

Эта мысль была нелепой, почти детской. Разумеется, люди падали. Люди болели, теряли сознание, попадали в больницы. Даже самые сильные, упрямые и невероятно живучие

люди однажды сталкивались с тем, что их собственное тело переставало им подчиняться.

Но бабушка Агата всегда казалась мне исключением.

Она могла весь день работать в саду, вечером сварить какое-нибудь странное варенье, а ночью отправиться в сарай за травами, потому что внезапно вспомнила о растении, которое требовалось собрать именно под определённой луной.

Когда я была маленькой, мне казалось, что бабушка вообще не спит. Я могла проснуться среди ночи, выйти за водой и увидеть свет в её комнате. Иногда она сидела за столом, раскладывала сушёные листья по банкам или что-то записывала в толстую тетрадь с потемневшими страницами.

Если я спрашивала, что она делает, бабушка отвечала:

— Занимаюсь своими делами, Алисочка. А тебе пора в кровать.

На вопрос, почему её гости приходят так поздно и зачем некоторые из них приносят странные свёртки, она говорила одно и то же:

— Это просто знакомые, милая.

Я верила ей.

Вернее, мне было удобнее верить. В детстве вообще многое кажется совершенно нормальным, пока однажды не вырастешь и не обнаружишь, что взрослые не всегда знают ответы. Иногда они просто умеют говорить уверенным голосом.

Я поднялась из-за стола так резко, что стул ударился о сте-

ну.

Марина выглянула из кабинета.

— Ты куда?

— Мне нужно уехать. Бабушка в больнице.

Её лицо сразу изменилось.

— Господи. Что с ней?

— Пока не знаю. Она потеряла сознание.

— Алиса, конечно, езжай. С работой разберёмся. Напиши, если что-нибудь понадобится.

Я благодарно кивнула и начала собирать вещи.

Телефон, кошелёк, зарядка, ключи. Я открыла календарь, отменила все встречи на ближайшие дни и написала начальнику короткое сообщение, чтобы он не узнал о моём исчезновении из очередного письма с пометкой «срочно».

Потом позвонила матери.

Она ответила не сразу.

— Алис? Что-то случилось?

На заднем плане играла музыка, слышались голоса. Я представила её квартиру, аккуратную гостиную, мужа, которого я видела последний раз несколько месяцев назад, и жизнь, в которой для меня давно осталось гораздо меньше места, чем раньше.

Мы не ссорились. По крайней мере, не так, чтобы можно было указать на конкретный день и сказать: вот тогда всё изменилось.

После смерти папы, мама долго не могла прийти в себя.

Мне было всего три года, и я почти ничего не помнила о нём. Только отдельные картинки, которые со временем могли оказаться не воспоминаниями, а историями, услышанными от других людей.

Потом у мамы появился новый муж, новый дом, новые привычки. А я осталась у бабушки.

Сначала это объясняли временными обстоятельствами. Потом школа, университет, работа. Жизнь постепенно распределила нас по разным адресам, и мы научились общаться короткими сообщениями по праздникам и редкими звонками, во время которых обе старались не задавать слишком личных вопросов.

— Мама, бабушка в больнице. Её забрала скорая.

Музыка на заднем плане продолжала играть, но мама уже отошла куда-то в сторону.

— Что? Как это случилось?

— Она упала во дворе. Потеряла сознание. Я еду к ней.

— Боже мой... Алиса, я сейчас посмотрю билеты. Я постараюсь приехать.

Я закрыла глаза.

Мне хотелось услышать, что она немедленно собирается в дорогу, что мы будем рядом с бабушкой вместе, что всё обязательно наладится. Но я слишком хорошо знала, как звучат обещания, за которыми ещё не принято ни одного решения.

— Хорошо, - сказала я. - Я сообщу, что скажут врачи.

— Ты сама как? Ты не одна?

— Мам, я справлюсь.

Эти слова я произнесла автоматически. Наверное, за последние годы они стали моим любимым способом завершать разговоры, в которых никто не знал, что сказать дальше.

Мы попрощались.

Я убрала телефон в карман и посмотрела в окно. За стеклом медленно ползли машины, люди спешили по своим делам, кто-то покупал кофе, кто-то ругался с водителем такси. Мир продолжал существовать с поразительной наглостью, словно ничего не произошло.

Мне захотелось остановить его хотя бы на минуту.

Но мир, как выяснилось, не особенно интересовался моими желаниями.

Дорога до бабушкиного дома занимала несколько часов.

Я купила билет на ближайший поезд, по пути забежала домой за одеждой и документами, а потом почти бегом добралась до вокзала. Всё происходило как-то механически: купить, оплатить, проверить, успеть. Я отвечала на сообщения, звонила в больницу, пыталась выяснить, что именно произошло.

Врач говорил спокойно, профессионально и осторожно. Бабушка находилась в коме. Её состояние было стабильным, но прогнозы делать рано. Нужно было ждать.

Ждать.

Слово, которое ничего не обещало, но отнимало возможность делать хоть что-нибудь полезное.

Я сидела у окна вагона и смотрела, как за стеклом сменяются дома, поля и редкие станции. На коленях лежала сумка, рядом стоял стакан воды, к которому я так и не притронулась.

Я вспомнила бабушкины руки.

Они всегда были тёплыми, даже зимой. Пальцы - тонкие, сильные, с маленькими шрамами от садовых инструментов. Когда я была ребёнком, бабушка гладила меня по голове и рассказывала сказки, которых не знала ни одна книга. В них леса умели менять дорогу, реки хранили чужие секреты, а некоторые двери открывались только перед теми, кто действительно нуждался в помощи.

Я любила эти истории.

Особенно одну, про старый дом, в котором спали сны.

Бабушка рассказывала её редко и каждый раз немного по-разному. Я помнила, что в том доме была дверь, которую нельзя было открывать без разрешения хозяйки. За ней находилось место, куда люди попадали только во сне.

Когда я спрашивала, что там, бабушка улыбалась.

— То, что ты ищешь, Алисочка.

— А если я ничего не ищу?

— Значит, пока тебе нечего там делать.

Я тогда решила, что бабушка просто не хочет придумывать продолжение сказки.

Теперь мне вдруг захотелось вспомнить её целиком.

Но память услужливо подсовывала только обрывки: по-

трескивание дров, запах сушёной мяты, бабушкин голос и чёрную кошку, которая всегда сидела возле печи.

Нет, не кошку.

Кота.

Тень.

Я не помнила, когда именно бабушка назвала его так. Он был в доме столько, сколько я себя помнила. Большой, чёрный, с янтарными глазами и характером существа, которое давно разочаровалось в человечестве, но пока не придумало, чем его заменить.

Когда я приезжала на каникулы, Тень встречал меня на крыльце. Не бросался в объятия, не тёрся о ноги, не устраивал шумных приветствий. Просто сидел и смотрел, словно проверял, имею ли я право снова находиться в доме.

А потом разворачивался и уходил внутрь.

Я следовала за ним.

В детстве мне казалось, что он меня охраняет. Если я задерживалась вечером во дворе, кот появлялся рядом и не отставал, пока я не возвращалась домой. Если мне снились кошмары, я просыпалась и обнаруживала его на одеяле, возле самых ног.

Однажды я спросила бабушку, почему Тень никогда не спит в своей корзине.

Она ответила:

— У каждого свои обязанности.

Я рассмеялась, решив, что это очередная бабушкина шут-

ка.

Сейчас я не смеялась.

Я достала телефон и открыла нашу переписку. Последнее сообщение от бабушки было отправлено три дня назад.

«Не забудь купить себе нормальный чай. Тот, что ты пьёшь, на вкус как вода, в которой полоскали чужие носки».

Я улыбнулась сквозь подступившие слёзы.

Потом перечитала сообщение ещё раз.

Мне вдруг стало страшно от того, насколько обычным оно было. От того, что совсем недавно бабушка сидела у себя на кухне, ворчала на мой чай, поливала цветы и, вероятно, разговаривала с Тенью. А теперь она лежала в больничной палате, и никто не мог сказать мне, услышит ли она мой голос.

Я прижала телефон к груди и отвернулась к окну.

За стеклом сгущались сумерки.

Впереди меня ждал бабушкин дом, старые комнаты, запах трав и чёрный кот, который, возможно, всё ещё сидел на крыльце.

Я почему-то была уверена, что он будет ждать меня.

И ещё я была уверена, что, когда я наконец переступлю порог, всё станет хотя бы немного легче.

Как же сильно я ошибалась.

Глава 2. Дом, в котором ничего не изменилось

Дом стоял на прежнем месте.

Разумеется, это было вполне ожидаемо: за время моего отсутствия бабушка не обзавелась привычкой переезжать, а строители не проявили достаточно наглости, чтобы снести её жилище и поставить на его месте очередной безликий короб с панорамными окнами. И всё же, когда я увидела знакомую крышу за невысоким деревянным забором, мне почему-то захотелось выдохнуть.

Будто до этого момента я держала в груди что-то тяжёлое и только сейчас позволила себе немного ослабить хватку.

Я вышла из такси, расплатилась и осталась стоять у калитки с дорожной сумкой в руке.

Дом выглядел так, словно я уехала не несколько лет назад, а вчера утром - просто забыла предупредить всех, что задержусь.

Тёмно-зелёные ставни, крыльцо с двумя ступеньками, старая яблоня справа от дорожки. На одной из ветвей всё ещё висела деревянная кормушка, которую я смастерила в двенадцать лет. Она давно перекосилась и пережила столько дождей, что, кажется, теперь держалась исключительно на

упрямстве. Бабушка никогда не позволяла её снять.

«Пусть висит, - говорила она. - Не всему старому обязано уступать место новому».

Тогда я считала, что речь идёт о кормушке.

С возрастом выяснилось, что бабушка вообще редко говорила только об одном.

Я толкнула калитку. Та жалобно скрипнула, словно хотела сообщить всему посёлку о моём прибытии. В детстве этот звук казался мне приветствием. Сейчас - предупреждением.

— Да ладно тебе, - пробормотала я. - Я же домой приехала.

Собственный голос прозвучал неубедительно.

Я прошла по дорожке и поднялась на крыльцо. На старом коврике лежали сухие листья. Один застрял между досками, другой прилип к моей подошве, а третий, особенно наглый, забрался в складку штанов и отправился со мной в дом.

Я открыла дверь.

Запах ударил первым.

Сушёная мята, древесина, старые книги, чуть сладковатый аромат яблок и что-то ещё - едва уловимое, похожее на дым от костра, который давно погас, но всё ещё помнит огонь.

Я закрыла глаза.

Вот теперь я действительно была дома.

Не в квартире с белыми стенами и соседями, которые считали, что дрель - это музыкальный инструмент. Не в съёмной

комнате, где каждый предмет напоминал о том, что ты здесь временно. Не в издательстве, где даже самые невероятные истории рано или поздно упирались в сроки сдачи и бюджет.

Здесь время будто двигалось иначе. Не медленнее - просто ему не было необходимости постоянно доказывать, что оно чем-то занято.

Я поставила сумку у стены и прислушалась.

Тишина.

Ни шагов наверху, ни звона посуды, ни негромкого бормотания бабушки, которая обычно разговаривала сама с собой, когда готовила. Она утверждала, что так ей проще думать. Однажды я спросила, почему тогда она не заведёт себе собеседника.

«Пробовала, - ответила бабушка. - Но собеседники почему-то всегда хотят есть».

Я тогда не поняла, шутит она или нет.

Теперь я была почти уверена, что она говорила совершенно серьёзно.

— Бабушка?

Я произнесла это тихо, хотя прекрасно знала, что никто не ответит.

Никто не ответил.

Я прошла в кухню.

На столе стояла чашка с тонкой трещиной у ручки. Рядом лежала раскрытая книга, придавленная небольшим гладким камнем. На подоконнике темнели горшки с травами, а воз-

ле плиты висел пучок сушёного шалфея. Всё было на своих местах.

И всё было не так.

Я не сразу поняла, что именно меня беспокоит. Кухня выглядела совершенно обычно, если не считать того, что хозяйка исчезла из неё внезапно, оставив после себя недопитый чай и книгу, раскрытую на середине страницы.

У меня появилось неприятное ощущение, будто я вошла в комнату, где разговор прервали на полуслове. И теперь все предметы ждали, когда кто-нибудь решится его продолжить.

Я подошла к столу.

Чай в чашке давно остыл. На поверхности застыла тонкая плёнка, а на блюде остался коричневатый след. Я осторожно коснулась фарфора пальцами.

Холодный.

Конечно, холодный. Бабушку увезли несколько часов назад, а чай не обладает особой преданностью и не станет ждать хозяйку вечно.

Я отёрнула руку и сердито посмотрела на чашку.

Горе, как выяснилось, делало меня странной. Я уже начала обижаться на посуду за то, что она продолжала существовать без разрешения.

На холодильнике висел календарь. В клетке сегодняшнего дня бабушка написала что-то синим карандашом, но поверх надписи кто-то провёл линию. Я сняла календарь с магнита и поднесла ближе.

«Проверить полынь».

Под словами стоял маленький знак - круг, пересечённый короткой чертой.

Я нахмурилась.

Бабушка постоянно что-нибудь записывала. Рецепты, списки покупок, имена людей, которым нужно позвонить, напоминания полить растения. Иногда она писала на клочках бумаги такие загадочные фразы, что я всерьёз подозревала её в работе над шпионским романом.

Но этот знак я помнила.

Я видела его в детстве на банках с травами, на корешках старых тетрадей и однажды - на внутренней стороне дверцы шкафа, где бабушка хранила свои стеклянные бутылочки.

Тогда я спросила, что он означает.

«Это просто пометка», - ответила она.

— У тебя все тайны просто пометки, - пробормотала я, возвращая календарь на место.

Из глубины дома донёсся тихий звук.

Будто кто-то провёл когтями по дереву.

Я замерла.

Звук повторился.

— Тень?

Я едва успела договорить, как из коридора показалась чёрная голова.

Кот остановился на пороге кухни, внимательно посмотрел на меня и медленно моргнул.

Вот и он.

Тень выглядел почти так же, как я его помнила: чёрная шерсть, яркие глаза, длинные усы и выражение морды, будто он уже прочитал все мои личные переписки и остался разочарован. Только теперь в его движениях появилась некоторая осторожность. Он ступал мягко, но не так легко, как раньше, а на подбородке проступила небольшая седая полоска.

Я опустилась на корточки.

— Привет, старый разбойник.

Тень не бросился ко мне, не замурлыкал и даже не сделал вид, что соскучился. Он подошёл на расстояние вытянутой руки, обнюхал мои пальцы и сел.

— Ну конечно. Чего это я ожидала? Красной дорожки? Оркестра? Чтобы ты принёс мне тапочки?

Кот посмотрел на меня с таким выражением, будто тапочки я могла бы принести себе и сама.

Я осторожно погладила его между ушами.

Тень позволил.

Для него это было почти признанием в любви.

— Я приехала, - сказала я уже тише. - Бабушка в больнице. Ты ведь знаешь?

Кот перестал шуриться.

Его уши чуть повернулись в сторону, а взгляд скользнул мимо меня - к окну, за которым темнела яблоня.

Мне показалось, что он насторожился. Но в следующую

секунду Тень снова посмотрел на меня, потёрся щекой о мою ладонь и громко замурлыкал.

Я выдохнула.

— Ладно. Сначала покормлю тебя, потом пойду смотреть, не превратилась ли кладовая в филиал ботанического сада. А вечером мы с тобой будем страдать вместе. Ты - по кошачьим причинам, я - по человеческим. У каждого свои таланты.

Корм стоял в привычном шкафчике под окном. Я достала пакет, насыпала еду в миску и поставила её на пол.

Тень понюхал содержимое.

Затем посмотрел на меня.

Потом снова на миску.

— Что? Не тот сорт? Простите, ваше величество, доставка морского окуня задерживается.

Он отвернулся от еды и направился к двери.

— Эй! Ты куда?

Кот остановился, оглянулся и тихо мяукнул.

— Ты серьёзно? Хочешь, чтобы я пошла за тобой?

Он снова мяукнул.

Я посмотрела на миску, затем на кота.

— Ты же понимаешь, что манипуляции - это нехорошо?

Тень исчез в коридоре.

Я вздохнула и последовала за ним.

Он привёл меня к лестнице, ведущей на второй этаж, и сел у первой ступеньки. Когда я подошла, кот посмотрел вверх.

— Там что-то случилось?

В ответ - молчание.

— Тень, я очень рада тебя видеть, но телепатией не владею. Хотя, если верить некоторым издателям, должна бы: они регулярно присылают рукописи, которые невозможно понять без сверхъестественных способностей.

Кот поднялся и пошёл вверх.

Мне ничего не оставалось, кроме как снова за ним следовать.

На втором этаже было прохладнее. Из трёх дверей одна вела в бабушкину спальню, другая - в маленькую комнату, где она хранила книги и всякие нужные вещи, а третья...

Моя комната.

Я остановилась перед ней.

Дверь была приоткрыта.

Когда я уезжала учиться, бабушка предложила разобрать мои вещи, но я запретила. Тогда мне казалось важным сохранить хотя бы одно место, в котором я не обязана взрослеть. Бабушка согласилась и больше никогда не возвращалась к этому разговору.

Тень протиснулся в щель и скрылся внутри.

Я толкнула дверь.

Комната встретила меня запахом старого дерева, пыли и сухого лаврового листа. Последний, вероятно, затесался сюда из бабушкиных запасов. Она могла обнаружить целебные свойства любого растения, даже если оно росло в горшке у

соседей.

Кровать стояла у стены. На ней лежало покрывало с мелкими синими цветами, которое бабушка сшила сама. Над письменным столом висели рисунки, сделанные мной в детстве: кривой дом, зелёное солнце, человек с огромными руками и чёрный кот размером с лошадь.

Под рисунком красовалась надпись: «Тень охраняет лес». Я улыбнулась.

Тогда мне было восемь, и я считала, что взрослые существуют исключительно для того, чтобы запрещать интересное. Я рисовала миры, в которых деревья могли ходить, зеркала показывали будущее, а у каждого человека была дверь, за которой хранилось что-то очень важное.

Бабушка никогда не смеялась над моими историями. Она задавала вопросы.

«А что будет, если человек не захочет открывать свою дверь?»

«А если за ней окажется не то, чего он ждёт?»

«А если он вообще не поймёт, что уже стоит на пороге?»

Я придумывала ответы, иногда по несколько разных, и бабушка слушала каждый так внимательно, будто от моих слов зависело нечто гораздо большее, чем настроение маленькой девочки.

В какой-то момент я перестала рисовать такие миры.

Не потому, что разлюбила фантазировать. Просто однажды обнаружила, что настоящая жизнь умеет отнимать боль-

ше сил, чем самые страшные сказки.

Сначала школа, потом университет, первая работа, бесконечные счета и необходимость выглядеть человеком, который хотя бы приблизительно понимает, что делает.

В двадцать семь лет я могла без труда найти в рукописи сюжетную дыру размером с железнодорожный тоннель, но не всегда могла объяснить самой себе, чего хочу от жизни.

Взросление, как оказалось, не было торжественным посвящением. Скорее, кто-то незаметно подменил тебе инструкцию к миру, а потом ещё и выбросил чек.

Тень прыгнул на кровать и устроился у подушки.

— Ты здесь спишь?

Кот закрыл глаза.

— Понятно. Значит, моё мнение не учитывается.

Я села рядом и провела ладонью по покрывалу. Ткань была прохладной, но знакомой. В детстве я часто засыпала именно здесь, слушая, как бабушка ходит по дому. Иногда скрипела половица в коридоре, иногда звякала ложка о край чашки, иногда за стеной тихо булькала вода в чайнике.

Я никогда не боялась этих звуков.

Мне казалось, что дом живёт своей жизнью, пока я сплю, и заботливо следит, чтобы ни одна неприятность не добралась до моей комнаты.

Теперь это воспоминание показалось почти болезненным.

Я посмотрела на Тень.

— Ты ведь не знаешь, что с ней будет, правда?

Кот не открыл глаз.

— Я понимаю, что ты кот. Не нужно так подчёркивать.

Он потянулся, выпустив когти, и снова свернулся клубком.

Я встала и подошла к письменному столу. На нём стояла деревянная шкатулка, которую я помнила с самого детства. Небольшая, тёмная, с резной крышкой и крошечной металлической застёжкой. Бабушка хранила в ней пуговицы, старые монеты и прочие мелочи, которые почему-то было жалко выбросить.

Я открыла крышку.

Пуговицы. Две медные монеты. Синяя стеклянная бусина. Маленький ключик, который, кажется, никогда ни к чему не подходил.

И сложенный вчетверо листок бумаги.

Я развернула его.

На листке детским почерком было написано:

«Если заблудишься, иди туда, где горит свет».

Я узнала почерк сразу.

Мой собственный.

Под фразой была нарисована крошечная дверь, а рядом — чёрный кот с круглыми глазами.

Я долго смотрела на бумагу.

Воспоминание всплыло неожиданно ясно: мне лет семь, я сижу на полу в этой самой комнате, а бабушка рассказывает сказку о доме, в котором спят сны. Я рисую дверь и спраши-

ваю, можно ли попасть в этот дом на самом деле.

Бабушка улыбается.

«А ты как думаешь?»

«Конечно, можно. Нужно только найти дорогу».

«Тогда запомни, Алисочка: если заблудишься, иди туда, где горит свет».

Я тогда восприняла это как часть сказки.

Взрослые часто говорят детям вещи, которые кажутся бессмысленными, пока не проходит много лет. Обычно это советы вроде «не ходи с мокрой головой» или «не трогай горячую сковородку». Бабушка, как всегда, предпочитала формулировки, которые вполне могли оказаться инструкцией по выживанию в другом измерении.

Я аккуратно сложила листок и положила обратно в шка-
тулку.

Потом закрыла крышку.

— Ностальгия, - сказала я себе. - Очень опасная штука. Начинается с милых воспоминаний, заканчивается тем, что ты рассматриваешь старые рисунки и всерьёз думаешь, что зелёное солнце было художественным решением.

Тень поднял голову.

— Не смотри на меня так. Ты тоже в детстве был нарисован с непропорционально большими лапами.

Кот снова улёгся.

Я решила, что на сегодня с него достаточно общения.

Внизу я открыла окна, чтобы проветрить комнаты, и об-

наружила, что бабушка оставила на подоконнике небольшой букет сухих трав. Рядом стоял стакан с водой, а в нём - одинокий белый цветок, который каким-то чудом сохранил свежесть.

Я наклонилась к нему.

Цветок пах лесом после дождя.

Я не знала, что это за растение. У бабушки имелось множество трав, которым она давала собственные названия, и иногда я подозревала, что половину из них она просто придумала. Впрочем, это не мешало им работать - по крайней мере, так она утверждала.

Я осторожно коснулась лепестка.

Он был холодным.

Слишком холодным для цветка, который стоял в тёплой комнате.

Я отдернула руку и нахмурилась, но тут же рассердилась на себя. Не хватало ещё начать подозревать в колдовстве каждую вещь, к которой я прикасаюсь. Бабушка десятилетиями сушила травы, варила отвары и смешивала настойки. Если её цветы обладали какими-то необычными свойствами, это ещё не означало, что мне следовало немедленно писать об этом научную статью.

Я оставила цветок в покое.

К вечеру дом постепенно наполнился сумерками. Я приготовила себе чай, съела бутерброд, который показался мне картонным, и попыталась разобрать вещи. Получилось пло-

хо: я трижды доставала зарядное устройство, дважды перекладывала одну и ту же кофту и в конце концов обнаружила, что всё это время искала телефон, который держала в руке.

Горе не делало человека мудрее.

Оно делало его рассеянным, упрямым и слегка нелепым.

Когда я наконец села на кухне, чтобы позвонить в больницу, Тень появился у моих ног. Он больше не притворялся, что его не интересует происходящее, и теперь внимательно следил за каждым моим движением.

Я набрала номер, который записала в такси.

Ответили после третьего гудка.

— Добрый вечер. Я внучка Агаты... — Я назвала фамилию и замолчала, потому что вдруг поняла, что не знаю, как правильно сформулировать вопрос. «Как там моя бабушка?» звучало слишком по-домашнему для больницы. «Каково состояние пациентки?» — так, будто я пришла редактировать медицинский отчёт.

В конце концов я выбрала середину:

— Я хотела узнать, есть ли какие-нибудь изменения в её состоянии.

Меня попросили подождать, затем сообщили, что состояние остаётся стабильным, сознание не восстановилось, а врач сможет поговорить со мной утром.

Я поблагодарила и отключилась.

Три коротких предложения.

Стабильное состояние. Без сознания. Приходите утром.

Люди придумали тысячи слов, чтобы описывать сложные вещи, но иногда им требовалось всего три фразы, чтобы оставить тебя наедине с самой страшной неизвестностью.

Я положила телефон на стол.

— Завтра поедem к ней, - сказала я Тени.

Он поднял голову.

— Да, я говорю с тобой. Ты, конечно, можешь сделать вид, что не понимаешь человеческую речь, но я знаю, что ты просто не хочешь брать на себя ответственность.

Кот запрыгнул на соседний стул.

— Вот и договорились.

Я посмотрела на часы. Было уже поздно, и усталость наконец начала брать своё. Дорога, тревога, незнакомые больничные коридоры, воспоминания - всё это навалилось на меня разом, будто я целый день таскала на спине чужую мебель.

Я поднялась наверх, переоделась и легла в свою старую кровать.

Тень появился почти сразу. Он обошёл комнату, словно проверял, всё ли осталось на своих местах, затем запрыгнул на покрывало и устроился у моих ног.

Я протянула руку и коснулась его тёплой спины.

— Только не вздумай ночью охотиться на мои пальцы, - предупредила я. — Я слишком устала, чтобы участвовать в твоих спортивных мероприятиях.

Кот промолчал.

За окном шевелились ветви яблони. Где-то внизу тихо

щёлкнуло дерево, оседая после дневного тепла. Дом постепенно погружался в ночную тишину.

Я лежала на спине и смотрела в потолок.

Мне хотелось позвонить бабушке.

Не в больницу, не врачу, не кому-то из её знакомых - именно ей. Рассказать, что я приехала, что Тень по-прежнему не умеет выражать чувства, что её чай остыл, а в комнате всё ещё лежат мои дурацкие рисунки.

Хотелось услышать её голос, спокойный и чуть насмешливый.

«Ну что, Алисочка, опять придумала себе беду раньше времени?»

Я бы ответила, что на этот раз беда придумала себя сама.

А бабушка, наверное, сказала бы, что у неприятностей отвратительная привычка приходить без приглашения, но это ещё не повод накрывать им на стол.

Я улыбнулась, представив её лицо.

И тут же перестала улыбаться.

Потому что впервые за много лет не могла быть уверена, что услышу её голос снова.

Я повернулась на бок. Тень приподнял голову, посмотрел на меня и тихо мурлыкнул.

— Всё хорошо, - прошептала я, хотя мы оба знали, что это неправда.

Кот снова положил голову на лапы.

Я закрыла глаза.

Перед самым сном мне вдруг вспомнилась фраза из старой сказки: если заблудишься, иди туда, где горит свет.

Я не знала, почему вспомнила её именно сейчас.

Не знала, почему мне показалось, что бабушка не просто рассказывала сказку, а пыталась научить меня чему-то важному.

И уж точно не могла объяснить, почему в темноте за закрытыми веками на мгновение возникла маленькая светлая точка.

Будто далеко-далеко, среди деревьев, кто-то зажёл фонарь.

Я открыла глаза.

Комната была прежней. На потолке лежали тени от ветвей, за окном шумел ветер, а Тень спокойно спал у моих ног.

Никакого фонаря.

Никакого леса.

Только старый дом, в котором ничего не изменилось.

По крайней мере, так мне тогда казалось.

Глава 3. Пока она не проснулась

Я проснулась от ощущения, что кто-то пристально на меня смотрит.

Это неприятное чувство знакомо каждому, кто хоть раз жил с кошкой. Можно спать под тремя одеялами, запереть дверь и спрятаться под подушкой, но если в доме есть кот, рано или поздно ты откроешь глаза и обнаружишь, что за тобой наблюдают два круглых глаза, явно наполненные осуждением.

Тень сидел на моей груди.

— Доброе утро, - прохрипела я. - Тебе не кажется, что ты немного тяжеловат для приветствия?

Он моргнул.

— Конечно. Как я могла забыть, что у нас тут не домашний питомец, а пушистый надзиратель?

Кот переступил передними лапами, устраиваясь поудобнее.

Я попыталась приподняться. Тень выразил недовольство коротким звуком, напоминавшим скрип старой дверцы, и спрыгнул на пол.

— Вот и славно. Свобода, равенство, кошачье достоинство.

Я села на кровати и потёрла лицо ладонями.

За окном было пасмурно. Небо затянули серые облака, и сад выглядел так, словно ночь забыла забрать с собой остатки темноты. В комнате пахло остывшим деревом и чем-то травяным. Я несколько секунд пыталась понять, что именно, но потом решила, что обонятельные расследования можно отложить до тех пор, пока я хотя бы выпью кофе.

На часах было семь двадцать.

Я не помнила, когда в последний раз просыпалась так рано без будильника. Обычно мой организм считал утро личным оскорблением и соглашался вступить в контакт с реальностью только после первой чашки кофе. Сегодня он, видимо, решил, что у нас достаточно проблем и можно не тратить время на церемонии.

Я спустилась на кухню, поставила чайник и достала телефон.

Сообщений было несколько. Начальница спрашивала, добралась ли я и нужно ли продлить отпуск. Мама написала, что вечером попробует позвонить в больницу сама. Ещё было сообщение от Тамары Ивановны - соседки, которая вчера сообщила мне о случившемся.

«Алисочка, если что-нибудь понадобится, звони. Я сегодня буду дома».

Я перечитала сообщение дважды.

Странно, как мало иногда нужно человеку, чтобы не чувствовать себя совершенно одиноким. Не объятия, не длинные речи о том, что всё обязательно наладится. Просто знать,

что за соседней дверью есть кто-то, кому не всё равно.

Я поблагодарила Тамару Ивановну и отложила телефон.

Потом набрала номер больницы.

Ответили быстро. Состояние бабушки не изменилось.

Врач будет на месте после девяти, посещение возможно в установленное время.

Я посмотрела на часы.

До девяти оставалось больше часа.

Я могла бы позавтракать, принять душ, разобрать сумку и даже успеть сделать что-нибудь полезное. Например, наконец-то признать, что мой чемодан устроен по принципу археологических раскопок: чем глубже копаешь, тем больше находишь вещей, о существовании которых давно забыла.

Вместо этого я оделась за пятнадцать минут и вышла из дома.

Тень проводил меня до двери.

— Не скучай, - сказала я. - И не разоряй дом в моё отсутствие.

Он сел на коврик.

— Да, я понимаю, что ты не подписывал договор о материальной ответственности. Но хотя бы не делай вид, что ничего не произошло.

Кот посмотрел на меня.

Я закрыла дверь.

По дороге к калитке мне показалось, что я забыла что-то важное. Я проверила телефон, ключи, сумку. Всё было при

мне.

Только чувство не исчезло.

Я решила, что это тревога, и пошла дальше.

Больница встретила меня запахом антисептика, мокрых курток и дешёвого кофе из автомата в холле.

Я не любила больницы. Впрочем, едва ли найдётся много людей, которые приходят туда ради удовольствия. Но меня пугало даже не само место, а его особенная тишина. В больнице никогда не бывает по-настоящему тихо: пищат приборы, хлопают двери, переговариваются медсёстры, кто-то кашляет за стеной. И всё же каждый звук словно приглушён невидимой ладонью.

Здесь люди говорят тише не потому, что боятся разбудить спящих. Они боятся потревожить то, чего не понимают.

Я подошла к стойке, назвала фамилию бабушки и дождалась, пока сотрудница проверит информацию.

— Вы родственница Агаты Сергеевны?

— Внучка.

— Подождите немного. Сейчас уточню, можно ли вам пройти.

Она говорила спокойно и деловито. Я была ей благодарна за это. В такие моменты меньше всего хочется слышать сочувственные интонации, которыми люди иногда пытаются обернуть каждое слово в вату.

Я отошла к окну.

На улице шёл дождь. Капли скользили по стеклу, остав-

для тонкие дорожки, которые пересекались и исчезали внизу. Я смотрела на них и вдруг подумала, что если бы моя жизнь была книгой, то сейчас редактор наверняка написал бы на полях: «Слишком много драматизма. Дайте героине передышку».

Я бы с удовольствием согласилась.

Но жизнь, в отличие от рукописи, не принимала правок.

— Вы можете пройти, - сказала сотрудница.

Я обернулась так резко, что едва не задела стоявшего рядом мужчину.

— Спасибо.

Мне объяснили, куда идти, напомнили не трогать медицинское оборудование и попросили не задерживаться слишком долго.

Я кивала, хотя половина слов проходила мимо сознания.

Коридор казался бесконечным. Белые стены, одинаковые двери, таблички с номерами палат. Я считала шаги, потому что так было проще, чем думать о том, что ждёт меня впереди.

На двери нужной палаты висела небольшая карточка с фамилией.

Я остановилась.

За этой дверью находилась моя бабушка.

Живая. Дышащая. Но не способная открыть глаза и спросить, почему я так рано приехала и успела ли позавтракать.

Я положила ладонь на ручку.

В голове мелькнула совершенно нелепая мысль: надо было купить ей цветы.

Не знаю зачем. Бабушка никогда не любила срезанные цветы. Она считала, что лучше подарить человеку растение в горшке, чтобы у него была возможность не только порадоваться, но и почувствовать ответственность. Впрочем, по её мнению, ответственность была полезна практически во всех ситуациях, кроме тех, когда она мешала жить.

Я выдохнула и открыла дверь.

Агата лежала на кровати у окна.

Первое, что я заметила, - её руки. Они были сложены поверх одеяла. Я помнила эти руки сильными, тёплыми, пахнущими травами и тестом. Они умели перевязывать разбитые коленки, зашивать порванные карманы, чинить старые вещи и безошибочно находить в моих волосах колтуны, которые я считала неразрешимой проблемой.

Теперь на её запястье была закреплена трубка, а рядом с кроватью стояла стойка с медицинским оборудованием.

Я не сразу подошла ближе.

Мне казалось, что если я сделаю несколько шагов, то окончательно признаю происходящее реальным.

Но я всё-таки подошла.

— Привет, бабушка.

Мой голос прозвучал удивительно обычно.

Я ожидала, что начну плакать, но слёз не было. Только неприятное жжение в горле и ощущение, будто кто-то осто-

рожно, но настойчиво затягивает узел у меня под рёбрами.

Я придвинула стул и села рядом.

— Ну что, - сказала я, стараясь улыбнуться, - решила немного отдохнуть от всех нас? Понимаю. Иногда я сама мечтаю лечь, закрыть глаза и не отвечать на вопросы хотя бы пару дней. Правда, в моём случае это обычно заканчивается тем, что редактор присылает ещё одну рукопись со словами: «Тут совсем немного поправить».

Я посмотрела на её лицо.

— А вот тебе никто ничего не пришлёт. Я прослежу.

Бабушка не ответила.

Я осторожно взяла её руку.

Она была тёплой.

Это почему-то оказалось важнее всего остального. Не аппараты, не белые стены, не слова врачей. Просто тепло человеческой руки, которое напоминало: она здесь.

Я сжала её пальцы.

— Я приехала, - прошептала я. - Домой приехала. Тень меня встретил. Правда, он, как всегда, сделал вид, что я ему мешаю. Я думаю, он скучал, но ты же знаешь, какой у него характер.

Мне захотелось рассмеяться. Вместо этого я провела большим пальцем по бабушкиной ладони.

— Я пока не знаю, что делать. Все вокруг говорят, что нужно ждать. Я умею ждать, если речь о поезде или зарплате. Но вот так... Я не знаю, как это делается.

В палате тихо работал прибор.

Я посмотрела на бабушку и вдруг поняла, что за последние годы слишком часто откладывала разговоры с ней на потом.

Потом позвоню. Потом приеду. Потом расскажу, как прошёл день. Потом спрошу о её старых историях, о странных гостях, о банках с травами и о том, почему она иногда смотрела на закрытые двери так, словно за ними кто-то стоял.

Мне казалось, что у нас впереди много времени.

Мы всегда думаем, что у нас много времени, когда нам страшно признать обратное.

— Помнишь, как ты рассказывала мне сказки? - спросила я. - Про дом, в котором спят сны. Я вчера вспомнила одну из них. И рисунок нашла. Тот, где Тень охраняет лес.

Я замолчала.

На мгновение мне показалось, что я снова маленькая и сижу на кухне, поджав ноги на стуле. Бабушка помешивает чай, за окном шумит дождь, а я пытаюсь выведать у неё продолжение истории.

«А что было за дверью?»

«Это зависит от того, кто её открывает».

«А если я открою?»

«Тогда узнаешь».

В детстве такие ответы казались мне ужасно несправедливыми. Я хотела знать всё сразу: кто жил в доме, куда вели двери, почему сны иногда забываются и можно ли однажды

попасть в сказку, не засыпая.

Теперь я бы многое отдала за возможность задать бабушке эти вопросы ещё раз.

— Ты ведь мне всё расскажешь, когда проснёшься? - спросила я.

Вопрос повис в воздухе.

Я поняла, насколько он глупый, только после того, как произнесла его. Будто бабушка просто решила поспать подольше и собиралась встать к обеду, чтобы приготовить суп и объяснить мне устройство мироздания.

Но я не забрала свои слова обратно.

Мне нужно было за что-то держаться. Пусть даже за обещание, которое никто не давал.

Я наклонилась и поцеловала бабушку в лоб.

— Я буду ждать, - сказала я. - Слышишь? Сколько понадобится. Я никуда не уеду.

И впервые за всё утро заплакала.

Тихо, без красивых всхлипов и драматичных жестов. Просто слёзы потекли по щекам, а я сидела рядом с кроватью и держала бабушку за руку, словно могла одним этим удержать её в мире, где всё ещё были яблоня, старая кормушка, травы на подоконнике и кот, который считал себя хозяином дома.

Я не знаю, сколько прошло времени.

В какой-то момент в палату заглянула медсестра и мягко напомнила, что мне пора заканчивать визит. Я вытерла лицо рукавом, извинилась и ещё раз посмотрела на бабушку.

Она выглядела спокойной.

Почти так же, как когда засыпала в кресле с книгой на коленях.

Только сейчас я не могла поправить ей плед и сказать, что пора идти в кровать.

— До завтра, бабушка.

Я поднялась, отпустила её руку и вышла из палаты.

За дверью коридор оказался таким же белым, как прежде. Люди по-прежнему куда-то спешили, кто-то разговаривал по телефону, кто-то нёс стаканчик с кофе.

Мир не остановился.

Я не знала, почему это меня злило. Наверное, мне казалось несправедливым, что всё вокруг продолжает жить, когда моя собственная жизнь словно застряла на одной странице.

Я дошла до окна и остановилась.

Дождь закончился. На стекле ещё дрожали капли, а за ними серело небо.

Я достала телефон и увидела сообщение от мамы.

«Как она?»

Я набрала ответ:

«Без изменений. Я была у неё. Буду приезжать каждый день».

Потом убрала телефон в сумку.

Я обещала бабушке ждать.

И собиралась сдержать слово.

Дом встретил меня тишиной.

Я закрыла дверь, сняла куртку и несколько секунд стояла в коридоре, прислушиваясь. Тишина больше не казалась уютной. Она стала слишком большой для одного человека — как пустая комната, в которой ещё недавно собирались гости.

— Тень?

Кот не появился.

Я прошла на кухню, проверила миску, заглянула в гостиную. Потом поднялась вверх.

Он сидел на моей кровати.

— Вот ты где.

Тень посмотрел на меня, спрыгнул на пол и подошёл ближе. Он не стал тереться о ноги и не потребовал еды. Просто сел рядом, подняв голову.

Я присела перед ним.

— Я её видела.

Кот не двигался.

— Она не проснулась. Врачи пока ничего не обещают.

Я погладила его по спине.

— Я сказала, что буду ждать. Так что теперь нам придётся присматривать друг за другом.

Тень тихо мяукнул.

Я улыбнулась сквозь усталость.

— Да, я тоже считаю, что готовить должен кто-то другой. Но, боюсь, придётся нам с тобой распределить обязанности.

Кот обошёл меня и запрыгнул на кровать. Он улёгся у подушки, свернувшись почти в идеальный чёрный круг.

Я переоделась, задернула шторы и легла рядом.

Мне хотелось думать о бабушке, но стоило закрыть глаза, как передо мной возникало её лицо на больничной подушке. Поэтому я пыталась отвлечься: вспоминала дорогу, разговор с медсестрой, сообщение от мамы, даже список покупок, который собиралась составить завтра.

Всё бесполезно.

В конце концов я повернулась к Тени.

— Знаешь, - сказала я, - я всегда думала, что взрослые умеют справляться с такими вещами.

Кот приоткрыл один глаз.

— Оказывается, они просто учатся делать вид, что знают, что делать.

Я потянулась к выключателю.

Комната погрузилась в темноту.

За окном шелестели ветви яблони. Где-то в стенах тихо потрескивало дерево. Тень устроился у моих ног, и его мурлыканье постепенно стало единственным звуком, на котором я могла сосредоточиться.

Я вспомнила бабушкины слова: если заблудишься, иди туда, где горит свет.

На этот раз мне не захотелось искать объяснение.

Я просто закрыла глаза.

И уснула.

Мне снился лес.

Я ещё не видела его целиком - только тёмные стволы, влажную землю и далёкое золотистое сияние между деревьями. Оно было маленьким, почти незаметным, но я почему-то знала: если пойду к нему, то смогу найти дорогу.

Я сделала шаг.

Потом ещё один.

И где-то совсем рядом раздался голос:

— Ну наконец-то.

Я резко обернулась.

Но за моей спиной никого не было.

Только деревья.

И свет, который теперь казался немного ближе.

Глава 4. Огонёк между деревьями

— Ну наконец-то.

Голос прозвучал так близко, что я резко обернулась.

Никого.

Только деревья, покрытые влажным мхом, и узкая полоска тумана, стелившаяся между корнями. Ветки переплетались над головой, почти полностью скрывая небо. Где-то в вышине шумел ветер, хотя я не чувствовала ни малейшего движения воздуха.

— Кто здесь? - спросила я.

Тишина.

Я подождала.

— Очень смешно, - добавила я. - Если это какая-то шутка, то сообщаю: я не в настроении.

— А я, по-твоему, в настроении? - проворчал голос.

Я подпрыгнула и отступила на шаг.

На этот раз звук донёсся справа, откуда-то из-за толстого ствола дерева. Я заглянула туда, ожидая увидеть человека, зверя или, на худой конец, очень разговорчивую сову.

Вместо этого передо мной оказался пенёк.

Самый обыкновенный пенёк, если не считать того, что у него были глаза.

Смотревшие на меня с явным неодобрением, а глубокая

трещина в коре складывалась в подобие рта. На верхушке росла трава, между корнями прятались грибы, а на боку кто-то оставил след, подозрительно похожий на отпечаток кошачьей лапы.

Я молча смотрела на него.

Пень смотрел на меня.

Прошла секунда.

Вторая.

— Ну? - спросил он.

— Что «ну»?

— Ты собираешься продолжать на меня таращиться или у нас будет разговор?

Я открыла рот.

Закрыла.

Снова открыла.

— Ты... разговариваешь.

Пень тяжело вздохнул.

— Потрясающее наблюдение. Долго готовилась?

Я уставилась на него ещё внимательнее.

— Ты пень.

— А ты, я смотрю, человек. Мы оба сегодня открываем для себя много нового.

Я отступила ещё на шаг.

Пень закатил глаза. По крайней мере, мне показалось, что закатил: два сучка едва заметно повернулись вверх, а трещина-рот растянулась в выражении, которое я бы назвала глу-

бочайшим разочарованием в человечестве.

— Не бойся, - буркнул он. - Я не кусаюсь.

— У тебя нет зубов.

— Вот именно. Представь, каково мне живётся. Ни уку-
сить кого-нибудь, ни нормально поесть. Только стою тут,
слушаю чужие разговоры и наблюдаю, как всякие двуногие
совершают одни и те же ошибки.

Я машинально посмотрела на его основание.

— Но ты же не можешь стоять. Ты...

— Если ты сейчас скажешь «пень», я начну сомневаться,
что у тебя вообще есть образование.

Я замолчала.

Впрочем, образование у меня было. Диплом, несколько
лет работы в издательстве и стойкое убеждение, что люди,
которые ставят три восклицательных знака подряд, нужда-
ются не в редакторе, а в отпуске.

Но ни один из этих пунктов не помогал мне разобраться
в ситуации.

Я находилась в лесу, которого не помнила, разговаривала
с пнём и, судя по всему, получала от него профессиональную
критику.

Оставалось выяснить, не сплю ли я.

Я ущипнула себя за руку.

Больно.

— Ну и что ты делаешь? - спросил пень.

— Проверяю, сплю ли я.

— И как успехи?

— Пока неясно.

— Попробуй ещё раз. Вдруг первый щипок был недостаточно убедительным.

Я ущипнула себя сильнее.

— Ай!

— Вот видишь. Наука не стоит на месте.

Я потерла руку и посмотрела на него с подозрением.

— Это сон?

— А ты надеялась, что экскурсия?

— Я не знаю, на что я надеялась!

— Вот это уже ближе к истине.

Пень замолчал.

Я тоже.

Где-то между деревьями снова вспыхнул золотистый огонёк. Он был далеко, но теперь я видела его отчётливее: мягкое сияние, словно кто-то поставил фонарь за несколькими рядами стволов.

Я шагнула в его сторону.

— Эй, - окликнул меня пень.

Я остановилась.

— Что?

— Куда собралась?

— Туда.

— Прекрасный план. Очень конкретный. А если там болото?

— Тогда я его обойду.

— А если волки?

— Я постараюсь не встречаться с волками.

— А если ты уже встретилась?

Я медленно повернула голову.

Пень смотрел на меня совершенно невозмутимо.

— Ты сейчас пытаешься меня напугать?

— Нет. Я пытаюсь понять, почему люди каждый раз думают, что достаточно просто захотеть куда-нибудь попасть, чтобы дорога сама расступилась перед ними.

— А ты предлагаешь мне остаться здесь?

— Я ничего не предлагаю. Я пень. У меня прекрасная жизнь: стою, никого не трогаю, изредка общаюсь с теми, кто умеет слушать. И тут являешься ты.

— Спасибо за гостеприимство.

— Пожалуйста. У нас тут вообще принято быть вежливыми. Особенно с деревьями.

Я посмотрела на огонёк.

Он не двигался.

И всё же у меня было странное ощущение, что он ждёт.

— Мне нужно туда, - сказала я.

Впервые за весь разговор пень не ответил сразу.

Он будто прислушался к чему-то, чего я не могла услышать, медленно поворачиваясь в сторону света.

— Нужно, значит, - повторил он.

— Да.

— Кто сказал?

Я нахмурилась.

— В смысле?

— Кто сказал, что тебе нужно туда?

Я хотела ответить, но не смогла.

Потому что никто не говорил.

Я просто знала.

Так же, как знала, что в конце концов окажусь здесь, хотя ещё вчера была уверена, что мой мир состоит из больничных коридоров, старого дома и ожидания новостей.

Я знала, что должна идти к свету.

Не потому, что мне кто-то приказал. Не потому, что я понимала, что найду впереди.

Просто не могла поступить иначе.

— Я не знаю, - призналась я.

— Вот теперь можно разговаривать.

Пень будто немного подобрел. Хотя, если честно, доброта в его исполнении напоминала слегка потеплевшую погоду в ноябре: вроде бы приятнее, но выходить без пальто всё равно не стоит.

— Как тебя зовут? - спросила я.

Он помолчал.

— А зачем тебе?

— Не знаю. Было бы странно обращаться к тебе «эй, пень».

— Наконец-то разумный аргумент.

Я ждала.

Пень молчал.

— Так как тебя зовут?

— У меня нет имени.

— Совсем?

— Совсем.

— И как же ты живёшь?

— Удивительно спокойно, пока люди не начинают задавать вопросы.

Я улыбнулась.

Несмотря на страх, несмотря на странный лес и на то, что происходящее не поддавалось никакому объяснению, мне вдруг стало легче. В этом нелепом разговоре было что-то знакомое. Будто я снова сидела на кухне у бабушки, слушала одну из её историй и ждала, когда она наконец расскажет самое интересное.

Только бабушка никогда не называла меня безмозглой.

По крайней мере, вслух.

— Хорошо, - сказала я. - Тогда я буду звать тебя Пнём.

— Попробуй только.

— А как ещё?

— У тебя есть богатая фантазия. Придумай что-нибудь приличное.

— Дуб.

— Я не дуб.

— Бревно.

— Я не бревно.

— Господин Древесный.

Пень издал звук, подозрительно похожий на стон.

— Боже, за что мне это?

Я рассмеялась.

И тут же перестала.

Звук собственного смеха показался мне чужим. Я не смеялась по-настоящему с тех пор, как узнала о бабушке. Не потому, что считала смех предательством, а потому, что не могла найти в себе ничего, что позволило бы расслабиться хотя бы на несколько секунд.

А здесь, в странном лесу, перед говорящим пнём, мне вдруг удалось забыть о больнице.

Всего на мгновение.

Но иногда и мгновение - уже подарок.

Пень смотрел на меня внимательнее, чем прежде.

— Ты давно не смеялась, - сказал он.

Я нахмурилась.

— Ты откуда знаешь?

— У тебя лицо было такое, будто ты собиралась похоронить весь лес, а потом ещё написать жалобу на качество земли.

— Очень смешно.

— Я старался.

Я отвела взгляд.

— У меня бабушка в больнице.

Слова прозвучали неожиданно тихо.

Пень не стал шутить.

— Знаю, - сказал он.

У меня похолодели пальцы.

— Что ты сказал?

— Я сказал, что знаю.

— Откуда?

— Потому что ты пришла.

Я смотрела на него, не понимая.

— Это ничего не объясняет.

— Для тебя - нет.

— Послушай, - я шагнула ближе, - я не знаю, что это за место. Не знаю, почему ты разговариваешь. И совершенно точно не знаю, каким образом ты можешь знать что-то о моей бабушке. Но если ты хоть что-нибудь знаешь о том, что с ней происходит...

Я осеклась.

Мне вдруг стало страшно услышать ответ.

Страшно, что он окажется плохим.

И ещё страшнее, что окажется хорошим - потому что тогда я поверю ему, а я не имела ни малейшего представления, можно ли доверять говорящим пням.

Пень долго молчал.

— Я знаю только то, что знаю, - произнёс он наконец.

— Это самая бесполезная фраза, которую я слышала за последние сутки.

— Ты явно мало общалась с чиновниками.

Я невольно фыркнула.

— И что мне делать?

Пень посмотрел на огонёк.

— Идти.

— К свету?

— Нет, к соседнему пню. Конечно, к свету.

— А ты не мог сразу сказать?

— Мог. Но тогда ты бы не узнала, насколько я терпелив.

Я покачала головой.

— Ты невозможен.

— А ты слишком много разговариваешь.

— Это потому, что я нервничаю.

— Заметно.

Я сделала глубокий вдох и посмотрела туда, где между деревьями горел свет.

Он казался чуть ярче, чем прежде.

— А если я заблужусь?

— Тогда придётся искать дорогу.

— А если я не смогу найти её обратно?

Пень молчал так долго, что я решила, будто он не собирается отвечать.

Наконец он произнёс:

— Иногда дорога обратно появляется только после того, как ты перестаёшь искать её там, где оставила.

Мне не понравился этот ответ.

Слишком уж он напоминал бабушкины объяснения, после которых у меня появлялось ещё больше вопросов.

— Ты всегда разговариваешь загадками?

— Нет. Иногда я молчу.

— Вот это было бы полезно.

— Не сомневаюсь.

Я улыбнулась и сделала первый шаг в сторону света.

Под ногами хрустнула ветка.

Я остановилась, обернулась и посмотрела на пень.

— Я ещё вернусь.

— Не обещай того, чего не знаешь.

— Ты мог бы хотя бы пожелать мне удачи.

— Удача - это когда ты случайно находишь то, что не искала. А ты, судя по всему, собралась искать что-то очень конкретное, сама не понимая что.

Я замерла.

— Ты ведь сказал, что знаешь, почему я пришла.

— Я сказал, что знаю, почему ты здесь. Это не одно и то же.

— И в чём разница?

— В том, что иногда человек приходит за ответом, а иногда - чтобы наконец задать правильный вопрос.

Я молчала.

Пень тоже.

Потом он добавил:

— Иди уже. Пока ты не состарилась прямо здесь.

Я отвернулась и пошла вперёд.

Лес постепенно менялся. Сначала мне казалось, что я просто углубляюсь между деревьями, но вскоре я заметила, что стволы становятся тоньше, а расстояние между ними - больше. Туман рассеивался, и на земле появлялись маленькие пятна золотистого света.

Огонёк не приближался так быстро, как мне хотелось.

Иногда он исчезал за деревьями, и я теряла его из виду. Тогда я останавливалась, прислушивалась и ждала, пока он снова появится.

Я не знала, сколько времени прошло.

В этом лесу время не ощущалось привычным образом. Я не уставала, хотя шла довольно долго, не чувствовала холода, хотя воздух был влажным, и не испытывала жажды. Всё вокруг казалось настоящим, но при этом слегка неправильным, как рисунок, в котором художник безупречно изобразил каждую деталь, но ошибся с перспективой.

Я остановилась возле дерева, на коре которого кто-то вырезал маленькую дверь.

Она была не больше моей ладони.

Прямоугольная, с крошечной ручкой и тонкой линией, обозначающей порог.

Я коснулась её пальцем.

Дерево оказалось тёплым.

Изнутри послышался тихий стук.

Я отдёрнула руку.

— Нет, - сказала я вслух. - Нет-нет-нет. Я не собираюсь открывать двери в деревьях. У меня и без этого достаточно проблем.

Стук повторился.

Три раза.

Я попятилась.

И в этот момент где-то впереди раздалось мяуканье.

Я застыла.

Звук был едва слышным, но я узнала его сразу.

— Тень?

Ответа не последовало.

Я бросилась вперёд.

Огонёк вспыхнул ярче, и между деревьями наконец показалась поляна.

На её краю стоял дом.

Небольшой, с тёмной крышей и крыльцом, освещённым тёплым светом. На окнах висели занавески, а у двери стояли два горшка с растениями. Один из них был треснут, второй покосился набок.

Я узнала дом раньше, чем успела понять почему.

Это был бабушкин дом.

Не похожий на него, не похожий на воспоминание, не какая-то странная копия.

Тот самый.

Те же ставни, то же крыльцо, та же яблоня у забора. Даже деревянная кормушка висела на ветке - перекошенная, ста-

рая и упрямая.

Я сделала шаг к поляне.

Потом ещё один.

У меня перехватило дыхание.

— Нет, - прошептала я. - Этого не может быть.

Дом стоял у края леса, но лес вокруг был незнакомым. Деревья росли слишком близко к забору, их ветви почти касались крыши. За домом не было дороги, не было соседских участков, не было посёлка.

Только лес.

И тишина.

Я посмотрела на окна.

В одном из них горел свет.

Такой же золотистый, как огонёк, который привёл меня сюда.

Я подошла к калитке.

Она была приоткрыта.

На дорожке лежали сухие листья.

Один застрял между досками, другой прилип к моей подошве, а третий, особенно наглый, забрался в складку штанов и отправился со мной в дом.

Я резко остановилась.

Это было невозможно.

Я помнила эти листья. Помнила, как вчера вошла в бабушкин дом, как поставила сумку у стены, как пошла на кухню, как увидела остывший чай.

Но я не могла помнить то, чего ещё не случилось.

Я ведь уже была здесь.

Или ещё не была?

Внутри дома что-то тихо звякнуло.

Ложка о край чашки.

Я подняла голову.

За окном двигалась тень.

Высокая, тонкая, знакомая.

Я не могла разглядеть лица, но мне вдруг захотелось позвать:

— Бабушка?

Тень остановилась.

Свет в окне дрогнул.

Я шагнула к двери.

И проснулась.

Я резко села на кровати, хватая ртом воздух.

Комната была тёмной. За окном по-прежнему шумела яблоня, а на телефоне светились цифры: четыре семнадцать.

Я несколько секунд смотрела на них, пытаясь убедить себя, что всё это было сном.

Лес. Пень. Огонёк. Дом.

Особенно пень.

Потому что, если уж моё подсознание решило устроить мне ночную экскурсию по миру абсурда, оно могло бы выбрать кого-нибудь более внушительного. Например, говорящий дуб. Или загадочного старца с длинной бородой.

Но нет.

Пень.

Я провела ладонями по лицу и тяжело выдохнула.

— Прекрасно, Алиса. Просто прекрасно. Теперь у тебя ещё и сны с бюджетом на декорации.

Тень лежал у моих ног.

Он не спал.

Кот смотрел на меня, не отводя глаз.

— Ты чего? - прошептала я. - Тебе тоже приснился лес?

Он поднялся, потянулся и подошёл к краю кровати.

Я протянула руку.

Тень понюхал мои пальцы, затем тихо мяукнул и направился к двери.

— Ты куда?

Кот остановился в коридоре и обернулся.

Я посмотрела на него, потом на часы.

Четыре семнадцать утра.

За окном - темнота.

В доме - тишина.

Я должна была лечь обратно и попытаться уснуть. Утром меня ждала больница, и я не могла позволить себе окончательно превратиться в человека, который путает реальность с собственными фантазиями.

Но почему-то я всё ещё слышала голос пня.

«Иногда человек приходит за ответом, а иногда - чтобы наконец задать правильный вопрос».

Я закрыла глаза.

И увидела дом на опушке.

Свет в окне.

Тень за занавеской.

Я открыла глаза.

Кот всё ещё стоял в коридоре и ждал.

— Нет, - сказала я ему. - Даже не думай. Я никуда не пойду. Я взрослая женщина, у меня работа, обязанности и вполне приличный список причин не разговаривать с деревьями.

Тень моргнул.

— И я совершенно точно не собираюсь возвращаться туда, где меня ждёт говорящий пень.

Кот развернулся и ушёл.

Я легла обратно, натянула одеяло до подбородка и усталилась в потолок.

Через несколько минут мне показалось, что из коридора донёсся тихий скрип.

Будто кто-то осторожно открыл дверь.

Я не пошевелилась.

А потом услышала голос.

Очень тихий.

Очень знакомый.

— Алисочка...

Я резко села.

В комнате никого не было.

Тень сидел у двери.

И смотрел на меня так, словно тоже что-то услышал.
Или кого-то.
Я больше не пыталась заснуть.
По крайней мере, до самого рассвета.

Глава 5. Дом, который помнил меня

Утром я приняла три важных решения.

Первое: больше никогда не есть перед сном ничего, кроме чего-нибудь совершенно безобидного. Например, сухарика. Или воздуха. Воздух, насколько мне известно, не вызывает сновидений с участием говорящих пней.

Второе: не рассказывать никому о ночных приключениях. У меня и без того была репутация человека, который способен всерьёз спорить с автором рукописи о том, что драконы не могут летать с такими маленькими крыльями. Если я сообщу коллегам, что разговаривала во сне с древесиной, меня окончательно перестанут приглашать на редакционные планёрки.

Третье: сегодня я обязательно выплюсь.

Последнее решение продержалось примерно до завтрака.

— Тень, ты когда-нибудь задумывался о том, что люди слишком много думают? - спросила я, наблюдая, как он вылизывает лапу.

Кот посмотрел на меня.

— Вот именно. Ты живёшь гораздо правильнее. Поел, поспал, посмотрел на человека так, будто он разочаровал тебя

лично, - и день удался.

Тень отвернулся.

— Не уходи от ответа.

Он спрыгнул со стула и отправился к окну.

Разговор, как обычно, оказался плодотворным.

Я налила себе кофе, открыла телефон и попыталась заняться чем-нибудь полезным. На почте скопились письма, в мессенджере коллеги обсуждали новую рукопись, а начальница прислала сообщение, что я могу не торопиться с возвращением и взять столько времени, сколько потребуется.

Я написала ей благодарность.

Затем открыла рабочую переписку и прочитала три сообщения подряд, не поняв ни одного.

Буквы складывались в слова, слова — в предложения, но смысл упорно ускользал. Мои мысли снова и снова возвращались к лесу.

Я помнила его слишком хорошо.

Влажная земля под ногами. Запах мха. Золотистый огонёк между деревьями. Пень, который разговаривал так, будто всю жизнь работал в службе поддержки и устал от человеческих вопросов.

И дом.

Бабушкин дом, стоящий на опушке леса, которого не существовало.

Я могла бы объяснить это памятью. Во сне мозг действительно любит собирать знакомые места из отдельных дета-

лей, соединяя их так, как никогда не соединил бы человек в здравом уме. В детстве я читала об этом целую статью, которую потом пересказывала подруге, пока та не попросила меня замолчать и дать ей спокойно доесть пирожное.

Всё логично.

Всё объяснимо.

Кроме одного.

В конце сна я слышала бабушкин голос.

Не похожий на её голос. Не воспоминание о нём.

Именно её голос.

Тот самый, которым она называла меня Алисочкой.

Я отодвинула чашку.

— Нет, - сказала я вслух. - Это просто стресс.

Тень повернул голову.

— И не смотри на меня так. У тебя нет диплома психолога.

Кот медленно моргнул.

Я решила, что на сегодня достаточно разговоров с существами, которые не способны оплатить коммунальные услуги, и отправилась в больницу.

В этот раз я не боялась входить в палату.

Вернее, боялась, но страх стал другим. Вчера он был огромным, бесформенным, похожим на тёмную воду, в которой я не знала, где дно. Сегодня он обрёл очертания: белые стены, медицинские приборы, неподвижное лицо бабушки.

С этим уже можно было жить.

Я села рядом с кроватью и рассказала Агате о своём сне. Не всё, разумеется.

Про пень я благоразумно умолчала. Даже в мысленном разговоре с человеком, который мог бы понять меня лучше всех на свете, мне было неловко признаваться в подобном. Вдруг бабушка проснётся, я расскажу ей эту историю, а она посмотрит на меня с выражением, которое означает: «Деточка, тебе срочно нужен отпуск».

Хотя, если подумать, отпуск мне действительно был необходим.

— Мне снился наш дом, - сказала я. - Только он стоял в лесу. Совсем один.

Я поправила край одеяла.

— Наверное, потому, что я вчера весь день думала о тебе и о доме. Мозг решил объединить всё в одну историю. Не самый оригинальный сюжет, но, если честно, я видела рукописи и похуже.

Я улыбнулась.

— Помнишь, как ты рассказывала мне сказки? Про дом, в котором спят сны. Я раньше думала, что ты их придумываешь на ходу. Теперь мне почему-то кажется, что ты знала гораздо больше, чем рассказывала.

Бабушка лежала неподвижно.

Я взяла её за руку.

— Я бы хотела ещё с тобой поговорить. О чём угодно. Даже о том, почему ты хранишь в шкафу столько банок с

травмами, что там можно открыть филиал аптеки. Или о твоих гостях.

Я замолчала.

Слово прозвучало само собой.

Гости.

Я не вспоминала о них много лет, но стоило произнести его, как в памяти всплыло несколько лиц.

Мужчина с седыми волосами, который однажды пришёл к бабушке в дождь и оставил у двери мокрые следы, хотя его обувь была совершенно сухой.

Женщина в длинном синем пальто, подарившая мне стеклянный шарик. Я тогда целый месяц пыталась разглядеть внутри него крошечную птицу, которую, как мне казалось, видела при первом взгляде.

Старик, который не позволил мне назвать его дедушкой и попросил принести стакан воды, а потом долго смотрел на меня так, словно я напомнила ему кого-то очень важного.

Бабушка называла их просто гостями.

Я никогда не спрашивала, откуда они приходили и куда уходили. В детстве это казалось естественным: взрослые разговаривают о своих делах, а дети не мешают. Позже я решила, что у бабушки просто был широкий круг знакомых.

Теперь эти воспоминания казались мне странными.

Не страшными.

Именно странными - как фотография, на которой ты вдруг замечаешь человека, которого не помнишь, хотя он

стоит рядом с тобой и смотрит прямо в камеру.

— Кто они были? - прошептала я.

В палате тихо работал прибор.

Я смотрела на бабушку и впервые за долгое время жалела, что не была любопытнее в детстве.

Мы часто думаем, что у нас будет возможность задать все вопросы потом. Когда вырастем. Когда станем умнее. Когда перестанем бояться показаться глупыми.

Но «потом» - очень ненадёжное время.

Я наклонилась и поцеловала бабушку в руку.

— Ладно. Я приду завтра. И послезавтра. И ещё много раз. Так что тебе лучше не затягивать с пробуждением. У меня список вопросов растёт быстрее, чем очередь на редактуру.

Я посидела рядом ещё немного, а затем ушла.

По дороге домой я всё думала о гостях.

И о том, почему бабушка никогда не рассказывала о них подробно.

Вечером я попыталась читать.

Взяла с полки книгу, которую когда-то купила в университете и с тех пор трижды собиралась дочитать. Прочитала две страницы, вернулась к началу, перечитала первую и поняла, что героиня всё это время разговаривает с собственным братом, хотя я была уверена, что это её муж.

Книга была ни в чём не виновата.

Я закрыла её и положила на стол.

Тень лежал на подоконнике, наблюдая за садом. Время от времени он поворачивал голову, словно следил за кем-то, кто двигался между деревьями.

— Что там?

Кот не ответил.

— Белка?

Никакой реакции.

— Птица?

Тень прижал уши.

— Ладно, поняла. Не моё дело.

Я подошла к окну.

Сад выглядел совершенно обычным. Яблоня, кормушка, дорожка, забор. За ним темнели соседские крыши, а дальше начиналась дорога к посёлку.

Никакого леса.

Никакого огонька.

Я уже собиралась отойти, когда заметила свет в одном из окон нашего дома.

Отражение лампы.

Я обернулась.

Лампа на столе действительно горела, и в стекле отражалась комната. Ничего необычного.

Но в отражении, на заднем плане, была видна дверь.

Я нахмурилась и посмотрела вглубь комнаты.

Дверь в коридор находилась слева от книжного шкафа. Всё верно.

Я снова посмотрела на стекло.

В отражении дверь стояла за моей спиной.

Я резко обернулась.

За спиной была стена.

Сердце стукнуло так сильно, что я почувствовала удар в горле.

Я отступила от окна.

— Нет, - сказала я. - Нет. Нет-нет-нет.

Тень прыгнул с подоконника и подошёл ко мне.

— Ты это видел?

Кот посмотрел на окно.

— Не смей делать вид, что ничего не произошло. Ты тоже туда смотрел.

Он обнюхал мою ногу, затем направился к двери и сел возле неё.

Я перевела взгляд с кота на окно.

В отражении снова была обычная комната.

Я подошла ближе, стараясь не смотреть на стекло слишком долго. На всякий случай включила верхний свет, затем выключила лампу на столе, потом снова включила.

Никакой двери.

Никакого странного отражения.

Я провела ладонью по лицу.

— Всё. Завтра я куплю витамины. Или схожу к врачу. Или перестану читать статьи о работе мозга. Что-нибудь из этого точно поможет.

Тень тихо мяукнул.

— И тебе куплю что-нибудь вкусное. Только не начинай думать, что это плата за молчание.

Кот отвернулся.

Я закрыла шторы.

На всякий случай.

Ночью я долго не могла заснуть.

Не потому, что боялась увидеть лес. Я убеждала себя, что не боюсь, хотя каждый раз, когда закрывала глаза, мне вспоминался огонёк между деревьями.

Я боялась другого.

Что снова услышу бабушкин голос.

И что на этот раз он скажет что-нибудь, чего я не захочу услышать.

Около полуночи я всё-таки задремала.

Сначала мне снился обычный сон: я опаздывала на поезд, пыталась найти билет в сумке, а сумка почему-то была наполнена варёными яйцами. Я уже начала подозревать, что моё подсознание окончательно потеряло чувство меры, когда вокруг всё потемнело.

Я стояла на лесной тропе.

Влажная земля пружинила под ногами. Ветки нависали над головой, а в воздухе пахло дождём и дымом.

Я узнала это место сразу.

— Ну что такое, - сказала я. - Мы же договорились.

Лес промолчал.

— Я не собиралась возвращаться.

Где-то впереди вспыхнул золотистый свет.

Я закрыла глаза и досчитала до пяти.

Когда открыла, огонёк всё ещё горел.

— Прекрасно. Значит, это не помогает.

Я могла бы развернуться и пойти в противоположную сторону. Могла бы попробовать найти дорогу назад, к тому месту, где проснулась в прошлый раз.

Но почему-то я знала, что лес не позволит мне уйти просто так.

Я сделала шаг к свету.

Затем ещё один.

На этот раз пень не появился. Не было ни его ворчания, ни язвительных замечаний, ни странных вопросов о том, зачем мне вообще понадобилось идти в лес.

Только тропа.

И огонёк.

Когда деревья расступились, передо мной снова возник дом.

Он стоял на прежнем месте, у края поляны. Окна светились, занавески были задёрнуты, а на крыльце лежали сухие листья.

Я подошла к калитке.

На этот раз она была закрыта.

Я потянула за ручку.

Не поддалась.

— Конечно, - пробормотала я. - Было бы слишком просто.
Я толкнула калитку плечом.

Ничего.

Попробовала ещё раз.

Дерево даже не скрипнуло.

Я посмотрела на забор. Он был невысоким, и перелезть через него не составило бы труда. Но что-то останавливало меня.

Не страх.

Скорее, ощущение, что это будет неправильно.

Я отошла на шаг и осмотрела калитку.

На деревянной планке была вырезана маленькая дверь.

Такая же, как на дереве в лесу.

Я коснулась её пальцем.

Дерево оказалось тёплым.

Изнутри послышался стук.

Три раза.

Я отдёрнула руку.

— Нет. Я уже проходила этот номер.

Стук повторился.

Я вздохнула и наклонилась ближе.

— Кто там?

В ответ раздался тихий голос:

— Ты опоздала.

Я замерла.

Голос был женским.

Знакомым.

— Бабушка?

Тишина.

Я схватилась за калитку обеими руками.

— Бабушка, это ты?

— Ты опоздала, Алисочка.

На этот раз я не сомневалась.

Это был её голос.

Я дёрнула калитку так сильно, что заболели пальцы.

— Открой! Пожалуйста, открой!

— Ты сама должна открыть дверь.

Я посмотрела на маленькую резную дверцу.

Она была не больше моей ладони.

— Как?

Ответа не последовало.

— Бабушка!

Где-то за забором тихо заскрипела половица.

Потом раздались шаги.

Я перестала дышать.

Шаги приближались к двери дома.

Остановились.

Послышался тихий щелчок замка.

И всё стихло.

Я стояла у калитки, сжимая холодную ручку, и понимала, что если сейчас не найду способ попасть внутрь, то могу больше никогда не услышать бабушкин голос.

— Пожалуйста, - прошептала я.

И тогда за моей спиной раздалось знакомое мяуканье.

Я обернулась.

На тропинке сидел Тень.

Тот самый чёрный кот с белой полоской на подбородке, который должен был сейчас спать в моей кровати.

Он смотрел на меня спокойно, словно мы встретились не в невозможном лесу, а в обычном коридоре.

— Тень?

Кот поднялся, подошёл к калитке и потёрся о деревянную планку.

Раздался щелчок.

Калитка открылась.

Я уставилась на неё.

Потом на кота.

Потом снова на калитку.

— Ты издеваешься?

Тень прошёл внутрь и оглянулся.

— Конечно. Разумеется. Я тут чуть не сломала себе пальцы, а ты просто...

Я осеклась.

Кот уже направлялся к крыльцу.

Я последовала за ним.

У двери он остановился, сел и посмотрел на меня.

— Что теперь?

Он тихо мяукнул.

Я потянулась к ручке.

Дверь открылась сама.

За ней был тёмный коридор.

Из глубины дома доносился запах мяты, старых книг и остывшего чая.

Тот самый запах, который я почувствовала, когда вернулась домой после долгого отсутствия.

Я шагнула внутрь.

Тень прошёл следом.

Дверь за моей спиной медленно закрылась.

И где-то наверху раздался голос бабушки:

— Ну наконец-то, Алисочка.

Я подняла голову.

На лестнице никого не было.

Но на верхней ступеньке лежал маленький ключ.

Тот самый, который я видела в деревянной шкатулке.

Я наклонилась, чтобы поднять его.

И проснулась.

Я сидела на кровати, прижимая руки к груди.

Сердце билось так быстро, что мне казалось, будто оно пытается выбраться наружу и самостоятельно разобраться в происходящем.

За окном светало.

Телефон показывал пять сорок две.

Тень лежал у моих ног.

Я посмотрела на него.

— Ты был там?

Кот не пошевелился.

Я наклонилась и осторожно коснулась его спины.

Тёплый. Настоящий. Живой.

— Ты был там, - повторила я.

На этот раз это прозвучало не как вопрос.

Тень поднял голову и посмотрел мне прямо в глаза.

И вдруг я заметила кое-что странное.

На его правой лапе, чуть выше когтей, была крошечная влажная полоска земли.

Тёмной, почти чёрной земли.

Я медленно перевела взгляд на пол.

На светлом покрывале рядом с моей ногой остался маленький отпечаток кошачьей лапы.

Я наклонилась ближе.

Отпечаток был настоящим.

Я знала, что должна испугаться. Должна позвонить кому-нибудь, рассказать о происходящем, попытаться найти разумное объяснение.

Но вместо этого я почему-то улыбнулась.

Впервые за несколько дней мне показалось, что я не просто жду, пока что-то изменится.

Мне показалось, что я могу сама сделать шаг навстречу.

Я осторожно погладила Тень по голове.

— Ладно, старый разбойник. Кажется, нам с тобой нужно серьёзно поговорить.

Кот закрыл глаза.

И замурлыкал.

Но я могла поклясться, что в этот раз он улыбался.

Глава 6. Пень, который слишком много знал

— Ну что, Тень, - сказала я, усевшись на кровати по-турецки. - Давай начистоту. Ты умеешь ходить по снам?

Кот посмотрел на меня.

— Не делай такое лицо. Я серьёзно.

Тень зевнул, продемонстрировав внушительный набор зубов, и принялся умываться.

Разговор явно не клеился.

Я спустилась с кровати и опустилась на колени возле маленького грязного следа на покрывале. Он никуда не исчез. Чёткий отпечаток кошачьей лапы - четыре крошечные подушечки и одна большая, чуть смазанная сбоку. Самая обычная грязь. Самая обыкновенная лапа.

И совершенно необъяснимое доказательство того, что ночью мой кот каким-то образом оказался там, где я была во сне.

Я осторожно коснулась следа пальцем. Грязь подсохла по краям, но в середине ещё оставалась влажной.

— Ты ведь даже на улицу не выходил, - пробормотала я.

Тень перестал умываться.

Мы посмотрели друг на друга.

В его глазах не было ни вины, ни удивления. Только спокойная уверенность существа, которое прекрасно знает, где лежат все вещи в доме, включая те, о существовании которых хозяева пока не подозревают.

Я вздохнула.

— Ладно. Не хочешь рассказывать - не надо. Но если выяснится, что ты водишь меня по каким-нибудь потусторонним тропам исключительно ради развлечения, я переведу тебя на корм экономкласса.

Тень отвернулся.

Кажется, угроза его не впечатлила.

Я взяла влажную салфетку и стёрла грязь с покрывала. След исчез, оставив после себя крошечное коричневое пятнышко на ткани. Я долго смотрела на него, будто оно могло сложиться в слово или хотя бы в приличное объяснение.

Ничего не произошло.

В конце концов я решила, что мне нужно поспать. Желательно крепко, без лесов, говорящих пней и голосов непонятных родственников, которых мне пока ещё не удалось идентифицировать, но которые уже успели устроить мне полноценный ночной кошмар.

План был прекрасный.

Как и большинство моих планов в последние дни, он продержался недолго.

Утром я проснулась с ощущением, будто всю ночь таскала мебель по лестнице. Спина ныла, голова была тяжёлой,

а мысли напоминали ящик с проводами: каждый вроде бы предназначен для чего-то полезного, но попробуй разбери, какой к чему подключается.

Тень сидел на подоконнике и наблюдал за садом.

— Доброе утро, сообщник, - сказала я.

Он даже ухом не повёл.

Я сварила кофе, съела кусок вчерашнего пирога, который нашла под полотенцем на кухне, и попыталась заняться чем-нибудь нормальным. Например, разобрать почту на телефоне. Или ответить начальнице, которая уже прислала два сообщения с осторожным вопросом, не собираюсь ли я возвращаться к работе.

Я написала, что пока не могу назвать точную дату.

Это было правдой. Я не могла назвать точную дату даже собственного возвращения в нормальную жизнь.

После завтрака я поднялась в комнату Агаты.

Раньше мне редко приходило в голову, что у бабушки может быть что-то, о чём я не знаю. Дом был знаком до последней скрипучей доски, до последней чашки с отколотой ручкой. Я знала, где лежат запасные полотенца, куда бабушка убирает деньги на случай отключения электричества и в какой банке хранит печенье, которое якобы покупает исключительно для гостей.

Но знать дом и знать человека - это разные вещи.

Особенно если человек всю жизнь умел прятать свои секреты прямо перед твоим носом.

Я начала с письменного стола. В ящиках нашлись старые квитанции, открытки, упаковка сушёной мяты и блокнот с рецептом яблочного пирога, который бабушка готовила на глаз, а потому записанные пропорции были примерно такими: «муки сколько возьмёт», «сахар по настроению», «яблоки не жалеть».

На полке стояли книги по травам, садоводству и народной медицине. Между ними обнаружилась тонкая тетрадь в тёмно-зелёной обложке.

Я потянула её за корешок.

Тетрадь оказалась тяжёлой, хотя страниц в ней было немного. На обложке не было ни названия, ни подписи. Только тот самый знак, который я уже видела на календаре в кухне.

Три изогнутые линии, пересекающиеся возле маленького круга.

Я положила тетрадь на стол и раскрыла.

Первые страницы занимали записи, сделанные бабушкиным почерком. Некоторые слова были мне знакомы: полынь, зверобой, сон-трава. Другие я никогда не слышала. Рядом стояли даты, странные пометки и короткие фразы, которые больше походили на напоминания самой себе.

«Не оставлять открытым после заката».

«Гость пришёл без тени».

«Не всякий, кто стучит, хочет войти».

Я перечитала последнюю строку.

— Очень обнадёживающе, - пробормотала я.

На следующей странице почерк изменился. Он был более мелким, торопливым, с длинными хвостиками у букв. Я не могла понять, кто писал: бабушка иногда меняла манеру письма, особенно когда записывала что-то на ходу.

В середине страницы стояла фраза:

«Дорогу нельзя показать тому, кто ещё не вспомнил, за чем идёт».

Я медленно села на стул.

Лес. Золотой огонёк. Дом. Запертая калитка. Голос Агаты.

И пень, который говорил так, будто знал меня гораздо дольше, чем следовало бы знать случайному пню.

Я перевернула страницу. Дальше шли несколько пустых листов, а затем - короткая запись, сделанная уже знакомым бабушкиным почерком:

«Если она придёт, не отвечать за неё».

Я прочитала её один раз.

Потом второй.

Слово «она» могло означать кого угодно. Бабушка могла писать о гостье, соседке, знакомой. В конце концов, у неё были целые коробки с записками, которые я никогда не понимала.

Но почему-то мне показалось, что речь шла обо мне.

Я закрыла тетрадь.

В комнате было тихо. За окном шелестели листья, а где-то

в саду стучал клювом дятел. Обычный день, обычный дом. Только теперь у каждой привычной вещи словно появилась вторая сторона, и я не знала, какую из них видела раньше.

По спине пробежал холодок.

Я вздрогнула и обернулась.

Тень сидел в дверях.

— Во-первых, это дом моей бабушки. Во-вторых, если ты умеешь читать, мог бы хотя бы помочь.

Кот вошёл в комнату, запрыгнул на стол и улёгся прямо на тетрадь.

— Прекрасно. Очень содержательная помощь.

Он прикрыл глаза.

Я погладила его между ушами. Шерсть была тёплой и мягкой, совершенно настоящей. От него пахло домом, солнцем и чем-то едва уловимым, напоминающим сухие листья после дождя.

— Я ведь просто хочу понять, что с ней происходит, - тихо сказала я. - И почему всё это происходит со мной.

Тень открыл один глаз.

На секунду мне показалось, что он смотрит не на меня, а куда-то сквозь меня - туда, где начинался лес.

Затем он спрыгнул со стола и вышел.

Я осталась одна с закрытой тетрадью.

И с неприятным чувством, что ответ уже где-то рядом. Просто он пока не собирался представляться.

Весь день я старалась не думать о сне.

Получалось примерно так же, как не думать о зубе, который болит: стоит отвлечься, и кажется, будто всё прошло, но потом достаточно случайно коснуться его языком - и здравствуй, неприятность.

Я съездила в больницу, посидела у бабушки, рассказала ей про сад, про кота и про то, что нашла её тетрадь. Последнее я произнесла почти шёпотом, чувствуя себя школьницей, которую поймали за чтением чужого дневника.

Агата не ответила.

Я держала её за руку и пыталась вспомнить, когда в последний раз мы просто сидели вместе, без спешки, без телефона, без моих разговоров о работе и её рассказов о том, что надо бы пересадить смородину.

Мне хотелось вернуться в один из тех вечеров, когда я была маленькой, а бабушка сидела у кровати и рассказывала истории. Тогда я не сомневалась, что взрослые знают ответы на все вопросы. Даже если не говорят их сразу, они обязательно знают.

Теперь я понимала, что взрослые просто лучше умеют делать вид, будто не боятся.

— Я найду дорогу, бабуль, - сказала я, прежде чем уйти.
- Куда бы она ни вела.

Её пальцы оставались неподвижными в моей ладони.

Но мне почудилось, что на мгновение рука стала теплее.

Я не стала искать этому объяснение. Некоторые надежды слишком хрупкие, чтобы проверять их на прочность.

Дом встретил меня запахом остывшего чая и сухих трав. Я поужинала, приняла душ и долго сидела на краю кровати, рассматривая тёмное окно.

Спать не хотелось.

Точнее, хотелось спать где угодно, кроме того места, куда меня неизменно уводил сон.

Я знала, что снова увижу лес.

Не потому, что предчувствовала что-то особенное. Просто у меня было такое чувство, словно я оставила там незавершённый разговор. А незавершённые разговоры всегда находят способ продолжиться - даже если твой собеседник состоит преимущественно из древесины.

— Только попробуй сегодня заговорить со мной загадками, - предупредила я Тень, который уже устраивался у моих ног. - Я устала. Мне нужны прямые ответы.

Кот свернулся клубком.

Я выключила свет.

И почти сразу провалилась в сон.

Лес встретил меня туманом.

Он лежал между деревьями тонкими полосами, цеплялся за корни и стелился по земле, словно кто-то разлил молоко и не потрудился вытереть. Золотого огонька нигде не было. Ветки над головой сплелись так плотно, что небо превратилось в серое пятно.

Я стояла на знакомой тропинке.

На этот раз я не собиралась искать дом. Сначала мне нуж-

но было найти пень.

— Эй! - крикнула я. - Древесный оракул! Ты где?

Лес промолчал.

— Я знаю, что ты меня слышишь!

Где-то вдалеке хрустнула ветка.

Я пошла на звук, свернула между двумя кривыми соснами и едва не споткнулась о корень. Туман становился гуще, но я продолжала идти, ориентируясь на смутное ощущение, будто меня тянет в определённую сторону.

Через несколько минут я увидела его.

Пень сидел на прежнем месте - если, конечно, пни можно считать сидящими. На его коре лежал пушистый слой мха, а из небольшого углубления на макушке торчал тонкий сухой стебелёк.

Он выглядел так, будто провёл последние сто лет, ожидая именно меня, и за это время успел составить подробный список моих недостатков.

— А, - произнёс он, едва я приблизилась. - Опять ты.

— И тебе доброе утро.

— Здесь не бывает утра.

— Тогда добрый вечер.

— И вечера тоже.

— Слушай, если ты собираешься придирается к каждому слову, мы далеко не уйдём.

— Мы и не собирались далеко уходить. Это ты пришла.

Я скрестила руки на груди.

— Отлично. Тогда сразу к делу. Что это за место? Почему я сюда попадаю? Где моя бабушка? И почему мой кот, кажется, умеет путешествовать между сном и реальностью?

Пень помолчал.

— Сколько вопросов.

— Я старалась сдерживаться.

— Заметно. Обычно люди начинают с крика.

— Я могу исправиться.

— Не надо. От крика у меня мох осыпается.

Я посмотрела на него с подозрением.

— Ты ведь знаешь, о чём я спрашиваю.

— Знаю.

— И собираешься ответить?

— Нет.

— Почему?!

— Потому что ты задаёшь вопросы так, будто ответы принадлежат тебе по праву рождения.

Я открыла рот, чтобы возразить, но обнаружила, что возразить нечего. Это было особенно неприятно: я всегда считала себя человеком разумным, а сейчас спорила с пнём и проигрывала.

— Хорошо, - сказала я после паузы. - Тогда по-другому. Что мне нужно сделать, чтобы найти бабушку?

На этот раз пень не стал шутить.

Ветер прошёлся по верхушкам деревьев. Туман медленно пополз между нами, обтекая корни, словно вода камни.

— Ты уверена, что ищешь именно её?

— Конечно.

— Нет, - сказал пень. - Не конечно.

Я почувствовала, как внутри поднимается раздражение.

— Послушай, у меня бабушка лежит в больнице без сознания. Я каждую ночь вижу странные сны, мой кот ведёт себя так, будто у него есть секретная жизнь, а ты говоришь со мной загадками. Если это какой-то способ помочь, то он отвратительный.

— Я не говорил, что помогаю.

— Тогда зачем вообще со мной разговариваешь?

— Из вежливости.

Я уставилась на него.

— Ты серьёзно?

— Нет. Но ты так забавно сердисься, что я решил не лишать себя удовольствия.

Я закрыла лицо ладонями.

Мне очень хотелось проснуться.

И ещё сильнее - схватить этот пень и потрясти его, пока из него не выпадут все ответы, как яблоки из старого дерева. К сожалению, он выглядел укоренившимся в своих убеждениях буквально и переносно.

Я опустила руки.

— Ладно. Допустим, я ищу не только бабушку. Допустим, я хочу понять, что она от меня скрывала. Что это за гости, почему у неё была эта тетрадь и что означает знак на об-

ложке. И почему она сказала, что я опоздала, хотя я даже не знаю, куда должна была прийти.

Пень слегка наклонился.

Я не была уверена, что он действительно двигался. Возможно, туман изменил очертания коры. Но его голос прозвучал иначе - тише и без прежней насмешки.

— Вот теперь ты задаёшь вопросы.

— И получу ответы?

— Не торопись портить момент.

Я тяжело вздохнула.

— Ты знал Агату?

Вопрос повис между деревьями.

На этот раз пень молчал так долго, что я уже решила: он не ответит. Потом где-то в его древесине сухо щёлкнуло, словно старый дом отозвался на перемену погоды.

— Она приходила сюда, - произнёс он наконец.

У меня перехватило дыхание.

— Когда?

— Когда была моложе.

— Насколько моложе?

— Моложе, чем сейчас.

— Спасибо. Очень полезно.

— Пожалуйста.

Я сделала шаг ближе.

— Она тоже видела этот лес?

— Разумеется. Иначе как бы она сюда пришла?

— И этот дом?

Пень не ответил сразу.

Я вспомнила калитку, крошечную дверцу, ключ на ступеньке и голос бабушки, прозвучавший так близко, будто она стояла за моей спиной.

— Она была здесь недавно? - спросила я.

— Время в этом месте ведёт себя не так, как тебе хотелось бы.

— А как оно себя ведёт?

— Самодовольно.

Я застонала.

— Ты невозможен.

— Мне это часто говорят.

Я присела на корточки перед пнём.

— Послушай меня. Я не собираюсь требовать от тебя всех ответов сразу. Но мне нужно знать хотя бы одно: бабушка может вернуться?

Вопрос оказался гораздо страшнее, чем я ожидала.

До этой секунды я ещё могла притворяться, будто всё происходящее - сложный сон, вызванный усталостью, страхом и переживаниями. Но стоило произнести слово «вернуться», как за ним открылась пустота, в которую я боялась заглянуть.

Пень больше не улыбался - если у пня вообще могла быть улыбка.

— Некоторые двери открываются в обе стороны, - сказал

он. - Некоторые - только в одну.

— А та, за которой бабушка?

— Ты ещё не знаешь, какая именно дверь тебе нужна.

— Но ты знаешь.

— Да.

Я вцепилась пальцами в край своей куртки.

— Тогда скажи!

— Нет.

— Почему?!

— Потому что, если я скажу тебе, что ты должна увидеть, ты будешь искать именно это. А иногда человек так крепко держится за нужный ответ, что проходит мимо единственного, который ему действительно необходим.

Я хотела возразить. Хотела сказать, что мне не нужны красивые фразы, что у меня нет времени на философию, что я просто хочу, чтобы бабушка открыла глаза и снова позвонила мне в воскресенье, как всегда.

Но слова застряли в горле.

Потому что я вдруг вспомнила: в последний раз, когда мы разговаривали по телефону, бабушка спросила, не снится ли мне в последнее время лес.

Я тогда рассмеялась и сказала, что мне снится исключительно работа.

Она тоже рассмеялась.

А потом произнесла:

«Ну и хорошо, Алисочка. Значит, пока ещё рано».

Я никогда не спрашивала, что она имела в виду.
— Она знала, что я приду сюда? - прошептала я.
Пень слегка качнулся.

— Агата многое знала.

— А чего она не знала?

— Этого она боялась больше всего.

Я замерла.

— Чего именно?

— Что однажды ты придёшь сюда не за тем, за чем приходила она.

Туман вокруг нас стал плотнее. Между деревьями на мгновение мелькнул золотой отблеск, но тут же исчез.

— Я не понимаю, - сказала я.

— Пока нет.

— А когда пойму?

— Когда перестанешь пытаться стать ею.

Я отшатнулась, словно он ударил меня.

— Я не пытаюсь стать бабушкой.

— Конечно. Ты просто хочешь пройти её дорогой, найти её дом, открыть её двери и получить ответы на её вопросы.

Я не нашла что сказать.

Пень вздохнул. По крайней мере, мне показалось, что он вздохнул: из трещины в коре вылетело крошечное облачко пыли.

— Послушай, девочка. Ты можешь сколько угодно искать то, что потеряла Агата. Но если будешь смотреть только на

её следы, своих так и не заметишь.

— А если я не хочу оставлять собственные следы? - спросила я. - Если я хочу просто вернуть всё, как было?

В голосе прозвучало столько отчаяния, что я сама испугалась.

Пень долго не отвечал.

Потом произнёс:

— Тогда тебе придётся узнать, почему некоторые вещи нельзя вернуть, даже если очень сильно любишь.

Я опустила голову.

В этот момент мне впервые стало по-настоящему страшно. Не из-за леса, не из-за странных дверей и не из-за существа, которое умело разговаривать, оставаясь при этом пнём.

Мне стало страшно потому, что где-то глубоко внутри я уже знала: бабушка оставила мне не просто тайну.

Она оставила мне выбор.

И я совершенно не представляла, как его сделать.

— Как мне найти дом? - спросила я наконец.

Пень будто обрадовался возвращению к практическим вопросам.

— Иди туда, где свет.

— Я уже ходила туда, где свет. Там была запертая калитка.

— Значит, в следующий раз попробуй не запирайтесь вместе с ней.

— Что это вообще значит?

— Понятия не имею. Звучало мудро.

Я не выдержала и рассмеялась.

Смех вышел коротким, неожиданным, почти болезненным. Но после него стало чуть легче дышать.

Пень, кажется, был доволен собой.

— И ещё, - добавил он.

Я насторожилась.

— Что?

— Если увидишь кота, не пытайся заставить его объясняться.

— Почему?

— Потому что он всё равно не станет.

Я медленно выпрямилась.

— Ты знаешь Тень?

— Я знаю многих котов.

— Но именно моего?

— Девочка, я пень. У меня нет ни личной жизни, ни возможности уйти отсюда, когда разговор становится неприятным. Неужели ты думаешь, что я не обращаю внимания на окружающих?

Я уже собиралась задать следующий вопрос, когда лес изменился.

Туман резко отступил. Между деревьями вспыхнул золотой свет - не вдали, как прежде, а совсем рядом. Он дрожал, словно пламя свечи за стеклом.

Пень повернул свою кривую верхушку в ту сторону.

— Тебе пора.

— Куда?

— Туда, куда ты так настойчиво пытаешься попасть.
Я посмотрела на свет.

Между стволами проступила знакомая тропинка. Она вела к дому.

— А ты пойдёшь со мной?

— Разумеется. Я только за тобой и успеваю.

— Ты же пень!

— Наконец-то ты начала понимать устройство мира.

Я улыбнулась, но улыбка быстро исчезла.

— Если я снова увижу бабушку... мне стоит спросить её о гостях?

Пень помолчал.

— Спроси себя, почему она никогда не называла их по именам.

Я хотела уточнить, но он вдруг замолчал. Его кора потемнела, а на макушке, рядом с сухим стебельком, появилась крошечная капля воды.

Она медленно скатилась по древесине.

— Иди, Алисочка, - сказал пень.

Я замерла.

— Что ты сейчас сказал?

— Я сказал: иди.

— Нет. Ты назвал меня...

— Я много кого так называю. Не придавай значения каждому слову.

Но я уже не слушала.

Он произнёс моё имя точно так же, как бабушка. С той же мягкостью, с тем же едва заметным ударением на последнем слоге. Будто слышал её сотни раз. Будто сам когда-то стоял рядом с моей кроватью и смотрел, как она поправляет одеяло.

— Ты ведь знал её очень давно, - сказала я.

Пень не ответил.

Я сделала шаг к тропинке.

Потом второй.

Золотой свет становился ярче, и за деревьями уже можно было различить крышу дома. Я почти побежала, когда услышала за спиной голос пня:

— И, Алисочка?

Я обернулась.

— Что?

— Не открывай дверь только потому, что за ней знакомый голос.

У меня похолодели пальцы.

— Почему?

Но пень больше ничего не сказал.

Он снова был просто пнём - старым, покрытым мхом, совершенно неподвижным. Таким, каким и должен быть обычный пень в необычном лесу.

Я стояла, глядя на него, пока золотой свет не дрогнул.

А затем из-за деревьев донёсся голос бабушки:

— Алисочка, ну где же ты?

Я рванула к дому.

И только на бегу поняла, что не помню, когда в последний раз слышала, чтобы Агата звала меня именно так.

Не по телефону.

А будто стояла совсем рядом.

Я добежала до калитки и остановилась.

Она была открыта.

За ней виднелась дверь дома. Изнутри лился тёплый свет, а на ступеньках сидел чёрный кот с белой полоской на подбородке.

Тень поднял голову.

Посмотрел на меня.

А потом медленно повернулся к двери.

За ней кто-то постучал.

Три раза.

И голос бабушки произнёс:

— Алисочка, не входи.

Я застыла.

Потому что голос звучал из дома.

А сама бабушка - у меня за спиной.

И я вдруг поняла, что пень впервые за всё время не пошутил.

Глава 7. Дверь без дома

— Алисочка, не входи.

Голос за моей спиной был таким знакомым, что я едва не обернулась сразу.

В нём слышалась бабушкина усталость после долгого дня, мягкая хрипотца, появлявшаяся по утрам, и та особенная интонация, с которой Агата звала меня к столу, когда я в детстве слишком увлекалась игрой и делала вид, что не слышу.

Но голос из дома тоже принадлежал ей.

— Алисочка, ну где же ты?

Я стояла посреди двора и пыталась понять, как можно одновременно слышать одного человека в двух местах.

Впрочем, ещё несколько дней назад я считала, что разговаривающие пни существуют исключительно в сказках, а кошки не оставляют грязные следы из чужих снов. Список вещей, в которые мне больше не следовало верить, стремительно сокращался.

— Бабушка? - позвала я.

Оба голоса умолкли.

Тень сидел на ступеньках, обернув хвост вокруг лап. Он смотрел на дверь, не моргая.

— Это ты? - спросила я у него.

Кот повернул голову ко мне.

— Да, я понимаю, что вопрос глупый. Но ты мог бы хотя бы иногда облегчать мне жизнь.

Он поднялся, подошёл к порогу и остановился.

Из дома донёсся тихий смех.

Бабушка смеялась именно так, когда я пыталась убедить её, что разбитая ваза упала сама, а кот просто оказался рядом в самый неподходящий момент.

— Ну что ты стоишь на холоде? - произнёс голос за дверью. - Заходи, Алисочка. Я тебя давно жду.

У меня защипало глаза.

Вот оно. Всё, чего я хотела последние дни, вдруг оказалось в нескольких шагах от меня. Не больничная палата, не неподвижная рука, не бесконечное ожидание новостей. Просто дом, тёплый свет в окнах и бабушка, которая ждёт меня за дверью.

Я могла войти.

Могла обнять её, услышать, как она скажет, что я похудела, хотя я совершенно точно не похудела, а потом усадит меня на кухне и начнёт кормить так, будто я вернулась не на несколько дней, а после многолетнего голодания.

Могла хотя бы на несколько минут перестать бояться.

— Алисочка, - снова позвал голос у меня за спиной. - Посмотри на меня.

Я зажмурилась.

Мне не нужно было видеть её, чтобы представить: бабушка стоит на дорожке, кутается в старый кардиган и сердится,

что я опять забыла надеть шарф.

Но в ту же секунду я вспомнила больничную палату.

Белые стены. Тихий писк аппаратуры. Её ладонь в моей руке.

Агата не могла стоять здесь.

По крайней мере, я не знала, могла ли.

Я медленно повернулась.

На дорожке никого не было.

Только туман, деревья и едва заметная тропинка, уходившая в темноту. Голос тоже исчез.

Я снова посмотрела на дверь.

— Бабушка? - прошептала я.

— Да, милая.

Ответ последовал сразу.

Я сделала шаг вперёд.

Тень преградил мне дорогу.

— Отойди, - сказала я, стараясь не повышать голос.

Кот не шелохнулся.

— Тень, пожалуйста.

Он посмотрел на меня. В его глазах отражался свет из дома, и на мгновение мне показалось, что в каждом из них горит маленький золотой огонёк.

Я присела перед ним.

— Послушай. Я не знаю, что происходит. Не знаю, кто здесь настоящий, кто ненастоящий и почему я вообще должна разбираться во всём этом. Но если ты знаешь хоть что-

то, помоги мне.

Тень коснулся носом моей ладони.

Потом развернулся и пошёл прочь от дома.

Я смотрела ему вслед.

— Ты серьёзно? - спросила я. - Сейчас?

Кот остановился у калитки и оглянулся.

Из дома донёсся звук открывающегося замка.

Я вздрогнула.

— Алисочка, я приготовила чай.

Это было уже слишком.

Бабушка никогда не готовила чай к моему приходу во сне. Она могла предложить пирог, варенье, бутерброд с сыром или всё перечисленное одновременно, но чай почему-то всегда ставила передо мной уже после того, как я усаживалась за стол.

Мелочь.

Совершенно незначительная мелочь.

Но именно из таких мелочей складывался человек, которого я знала всю жизнь.

Я поднялась и пошла за Тенью.

За спиной тихо скрипнула дверь.

— Алисочка?

Я не обернулась.

— Ну пожалуйста, - произнёс голос.

В этот раз он звучал так, словно бабушка плакала.

Я остановилась.

Тень тоже остановился.

У меня сжалось сердце. Я знала, что должна идти дальше. Пень предупредил меня. Тень предупреждал меня. Даже собственный страх, казалось, кричал, что нельзя возвращаться.

Но если там действительно была Агата?

Если я сейчас уйду и больше никогда не услышу её голоса?

Я медленно повернула голову.

В дверном проёме стояла женщина.

Седые волосы, знакомый кардиган, мягкие руки, которые я помнила с детства. Она держалась за дверной косяк и смотрела на меня с такой нежностью, что у меня перехватило дыхание.

— Я так скучала, - сказала она.

Я не могла пошевелиться.

— Иди ко мне.

Она протянула руку.

Я смотрела на её пальцы и пыталась вспомнить, как выглядели руки бабушки в больнице. На левой руке у Агаты была маленькая родинка возле большого пальца. Я помнила её с детства: однажды мне казалось, что это крошечный остров на карте, и я пыталась нарисовать вокруг него море.

Я всматривалась в протянутую ладонь.

Родинка была на месте.

У меня задрожали губы.

— Бабушка...

Женщина улыбнулась.

И в эту секунду я заметила, что за её спиной нет комнаты.
Только темнота.

Не тень от выключенного света, не коридор, не знакомая прихожая.

Пустота, в которой ничего не было.

Я отступила.

Улыбка женщины не исчезла, но стала неподвижной, словно кто-то нарисовал её на лице.

— Ты же хотела меня увидеть, - сказала она.

Голос больше не был бабушкиным.

Он звучал почти так же, но в нём пропало что-то человеческое. Тепло, которое прежде делало каждое слово родным, исчезло, оставив только точное подражание.

— Ты же так скучала.

Я попятилась.

Женщина перестала держаться за косяк.

Её рука медленно опустилась.

— Неужели ты не узнаёшь меня, Алисочка?

Я побежала.

Я не помнила, как оказалась за калиткой. Помнила только, что Тень двигался впереди, а лес расступался перед нами, будто пропускал тех, кого не хотел задерживать.

Я бежала, пока не заболело в боку. Ветки цеплялись за одежду, корни попадались под ноги, туман лип к лицу.

Несколько раз я споткнулась, но каждый раз поднималась и продолжала идти.

Наконец Тень остановился.

Я рухнула на колени рядом с ним, пытаясь отдышаться.

— Я ненавижу это место, - выдохнула я.

Кот посмотрел на меня.

— И тебя тоже ненавижу.

Он сел рядом.

— Не смотри на меня так. Ты прекрасно знаешь, что я не всерьёз.

Тень ткнулся лбом в моё плечо.

Я обняла его, уткнувшись лицом в чёрную шерсть. От ко-та пахло сухими листьями и чем-то домашним. Я держалась за него, как за единственную вещь в мире, которая ещё не пыталась меня обмануть.

Хотя, если честно, после последних событий я уже не была уверена даже в этом.

— Я ведь почти поверила, - прошептала я. - Она выглядела точно так же. Даже родинка была на месте.

Тень тихо мурлыкнул.

— Как можно подделать что-то настолько точное?

Он поднял голову и посмотрел в сторону деревьев.

Там, между двумя соснами, что-то белело.

Сначала я решила, что это туман. Потом поняла, что вижу прямоугольник - высокий, узкий, с тёмной ручкой посередине.

Дверь.

Она стояла прямо в лесу.

Без стены. Без забора. Без дома.

Просто дверь, которую кто-то поставил среди деревьев и забыл объяснить окружающему миру, зачем она здесь.

Я медленно поднялась.

— Нет, - сказала я.

Тень посмотрел на меня.

— Даже не думай. Я сегодня больше никуда не вхожу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.